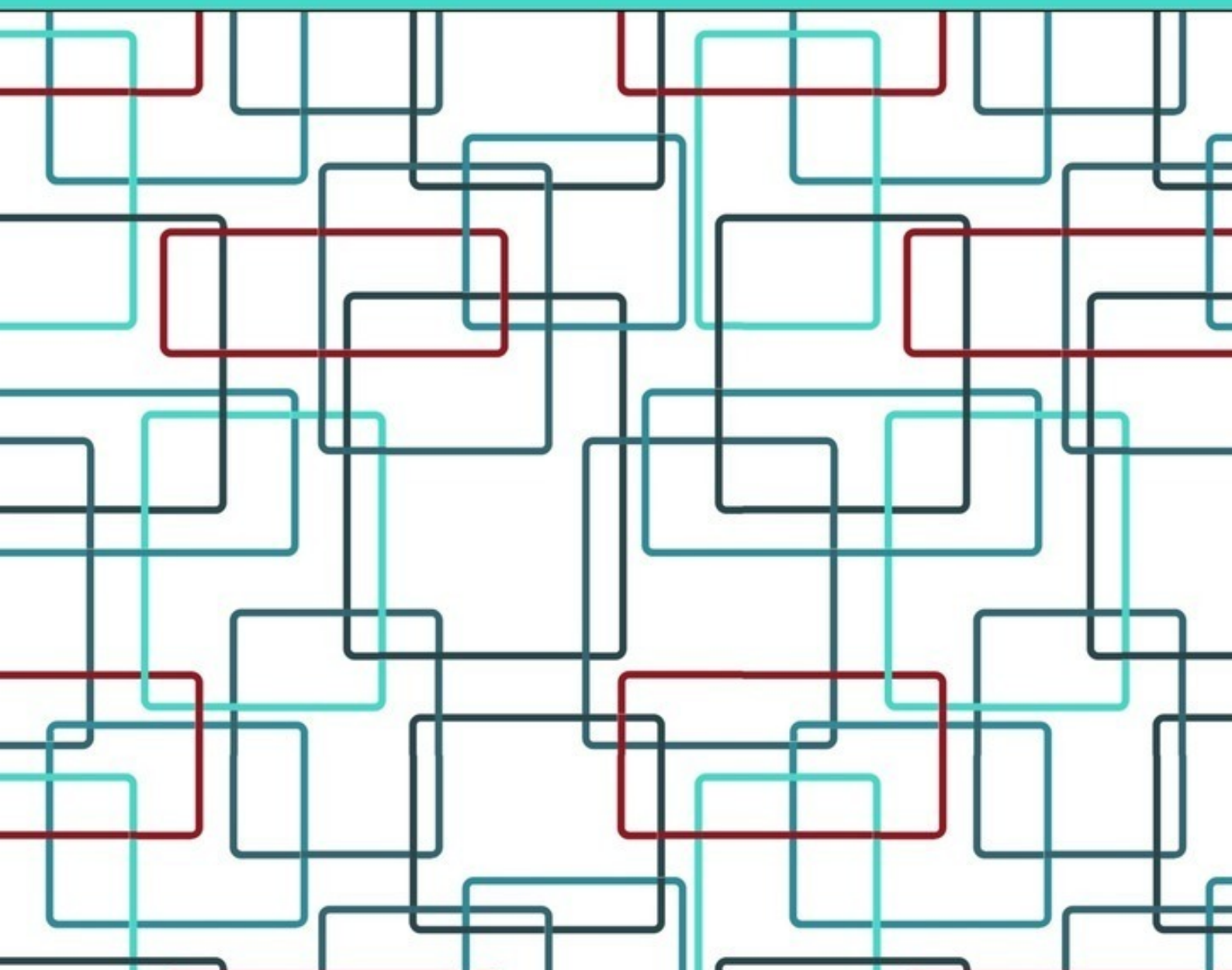

Людмила Козлова

ЗДЕСЬ БЫЛ ОСЯ

Людмила Козлова

Здесь был Ося

«Издательские решения»

Козлова Л. М.

Здесь был Ося / Л. М. Козлова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907566-6

Десятый том «Избранного» Людмилы Козловой — это современная российская проза — рассказы, написанные в реалистическом ключе, в стиле гротеска или фантастики реализма, но всегда — с проекцией в настоящее время.

ISBN 978-5-44-907566-6

© Козлова Л. М.
© Издательские решения

Содержание

ЗОЛОТАЯ ЯЩЕРИЦА	6
ИДЕАЛЬНАЯ СУПРУГА	10
ТА, КОТОРОЙ НЕТ	12
КОГДА СЛУЧИТСЯ ЖИЗНЬ	14
ВАСИЛИСК	16
А В ОСТАЛЬНОМ, ПРЕКРАСНАЯ МАРКИЗА...	20
ЛЮБОВЬ – СТРАШНАЯ СИЛА	21
КАРТИНА, НАПИСАННАЯ РЖАВЧИНОЙ	22
СВОБОДНЫЕ ГРАЖДАНЕ	23
ГОРОД КРЫШ	24
ТЕОРЕМА ПОТОКА	25
МИР ТВОРИТСЯ МЫСЛЬЮ	26
Я НИКОГДА НЕ БУДУ БАБУШКОЙ	27
АНУЙСКИЙ ПРЯМОУГОЛЬНИК	31
СЫН БОГА	36
МАНДОЛИНА И НИКОЛАЙ	40
ГОД СВИНЬИ	47
ХРУСТАЛЬНЫЙ КЛУБОК	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Здесь был Ося

Людмила Максимовна Козлова

Редактор Н. М. Николаев

© Людмила Максимовна Козлова, 2018

ISBN 978-5-4490-7566-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Десятый том «Избранного» Людмилы Козловой – это современная российская проза – рассказы, написанные в реалистическом ключе, в стиле гротеска или фантастики реализма, но всегда – с проекцией в настоящее время.

Редактор и рецензент Николаев Н. М.

© Козлова Л. М., современная российская проза, 2018 г.

© Издательство «РИДЕРО» – 2018 г.

ЗОЛОТАЯ ЯЩЕРИЦА

Задумчивый пожилой человек, оказавшийся моим соседом по даче, однажды принёс рукопись. «Вот, нашёл на чердаке – видимо, бывший хозяин писательствовал. Или кто-то из пришлых. Много бездомных живут зимой в дачных домиках. Может, пригодится? Выбросить не решился», – сказал он. Пришлось принять подарок.

1. РУКОПИСЬ, НАЙДЕННАЯ НА ЧЕРДАКЕ

Ну, что сказать? Жизнь удалась. Кто-то, равнодушно вззирающий прожигающим лазерным взглядом, издали, с чужой стороны, со своей колокольни, скажет: «Тут завидовать нечему – полный кердык!»

Ты прав, неподкупный судья, искренне считающий себя святым. Более того, ты прав *всегда*. *Что я такое* в пронизывающем луче твоей метафизики? Абсолют, то есть Ничто. Вернее, Нечто, когда-то прорезавшееся из тьмы – росток возможной рациональной системы: ребёнок-воспитание-учёба-работа-семья-успех-деньги. Но эта хитрая ящерица легко теряет хвост. И что она после этого? Зародыш нереализованной жизни, Абсолют, Ничто.

Моя ящерица потеряла почти всё. В остатке – взрослый ребёнок. Это идеальный вариант изделия Творца, обречённый жить в сказке. И если цель творения была именно такова, то в моем случае она достигнута. Лучше поздно, чем никогда. Значит, жизнь удалась.

Не буду отрицать – поначалу и я делал попытки вырастить свою ящерицу, вписаться в *твою систему* ценностей – усердно учился, женился, родил сына, работал с утра до ночи, пытался стать состоятельным и благопристойным гражданином. Я тогда не понимал, что мои усилия ни много, ни мало – спор с Творцом.

Отче не замедлил указать мне моё место. Сначала заболел сын – болезни следовали одна за другой. И так всю его короткую жизнь.

Потом я потерял работу. Она утекла, как песчинка в часах, в какое-то ненасытное гирло. Я сопротивлялся изо всех сил – искал новое место, источник заработка. Но, увы! Работа исчезла для меня навсегда, а с нею и доходы. Через несколько лет, правда, появилось пособие с гнусным свистящим именем – пенсия.

Потом как-то разом заболела жена. Вскоре схоронил брата, потом тётку. За ними ушла старушка мать.

На лечение и похороны всех, покинувших меня, истратил всё, что было можно, а также и то, что нельзя. Так что замысел Творца всё равно реализовался, но... спустя целую жизнь.

Теперь я – непьющий, некурящий, верящий в силу Творца бомж. Нет, жаловаться грех – прописка в паспорте осталась. Спасибо той доброй даме, которая купила мою квартиру и прописала меня в заброшенном полуразрушенном доме на окраине города. Этот дом – её собственность, наследство от бабушки. Я просил её об этом, иначе не смог бы получать пенсию. Человека без адреса государство не видит. Без адреса нет человека.

Квартиру я продал в надежде поднять на ноги мою старушку мать. Всё, что удалось выручить, бросил на лечение, но... чуда не произошло.

Тебе, мой друг, кажется, что на этом всё и должно закончиться. Вроде, жить незачем, не для кого, негде да и не на что.

Не буду убеждать тебя в обратном, ты не услышишь меня. Мой мир так далек от твоей хвостатой золотой ящерицы, что, сколько бы я ни говорил умных слов, все они покажутся тебе непревзойдённой глупостью.

Мой мир, огромный блистающий мир, разместился в маленьком природном компьютере. Да-да. Именно так. Моё сознание, мой интеллект – вот моя планета, мой Дом, самый надёжный

из всех, самый красивый, самый богатый, наполненный верой и любовью к Тому, кто всё знает – к Отцу нашему. «Чего мне бояться, если Бог ведёт меня этим Путём!» – вот что написано в моём Доме.

Но ты прав, неподкупный мой судия, когда не понимаешь, о чём я говорю. Разве я ещё не разучился говорить? Вот что удивляет тебя.

Я давно должен был онеметь, более того – исчезнуть с лица Земли. Но, веришь-нет, а я жив.

Если бы ты мог видеть и слышать меня, я рассказал бы, как это удалось. Главное же не то, что окружает тебя снаружи. Весь фокус в том, что Царство Жизни велико и большая его часть запрятана в глубины тебя самого. Поймёшь это, увидишь – будешь человеком всегда, где бы ни находился, в каких бы трущобах ни пришлось обитать.

Правду сказать, моя трущоба – замечательное жилище. Физически я живу на чердаке – это такой верхний этаж в десятиэтажном здании, где разместился цех дезодорации растительного масла.

Конечно, попасть сюда законным образом невозможно. Прихожу ночью через секретный лаз в заборе. Ночью охрана топчется возле цеха готовой продукции – там идёт утечка масла на сторону. В здании дезодорации украсть нечего – всё оборудование герметично.

В моей трущобе нет ванны, туалета, кухни и прочего. Зато есть приточка – вентиляционная труба, по которой нагретый воздух нагнетается в помещение. В этой трубе и устроил лежанку. Не скажу, что в моём жилище бывает жарко зимой, но, как видишь, я не превратился в ледяной столб.

Одно гнетёт – то, что все мои мысли существуют лишь в моей голове. Очень хочется записать их. Если когда-нибудь попаду в культурную среду, первое, что сделаю – попрошу бумагу и ручку. И тогда даже ты, незабвенный судия, сможешь скользнуть глазами по строчкам и даже остановить взор на какой-то из них. Ты будешь смеяться, но вот она – эта замечательная строка: «Жизнь удалась!».

Но второй, второй строкой будет, конечно, вот эта: «Самое раннее воспоминание детства – я стою на полянке с мохнатой травой. В ней желтыми пуговичками светятся аккуратные цветы. В ярко-зелёном сиянии травы ещё ярче сияют мои новые розовые ботиночки».

Фигурально выражаясь, я так и шёл по жизни в этих лаковых розовых ботиночках. И сейчас вижу их на своих ногах. От многого и многого уберегли они меня. Я не мог ходить по грязи в такой обуви. И, поверьте, никогда этого не делал. Но они же, эти розовые ботиночки, сыграли со мной злую шутку. Чистые тропинки, душистые травы и цветы... Всю жизнь думал, что живу среди людей. На этом и поймался. Поэтому, и только поэтому, пытался выстроить золотую ящерицу, придуманную тобой, мой неподкупный судия.

А между тем, по задумке Творца я не имел на это никакого права. Нарушил свою программу, вклинился в чужую – получай вместо реальной жизни своё творение, вернее, то, что мог в этой ситуации сохранить Бог.

Сейчас у меня уйма времени для раздумий. И я не теряю его втуне. Я думаю. Думаю о том, как должен был жить.

2.

Простая логика говорит о простых вещах. Если у меня было отнято то, что пытался создать, значит, всё это – не моё. Жена, дети, дом, работа – это чужое. А что моё? Если честно, знал это сразу – от природы получил в виде шифра моих генов.

Поэтому надо вернуться туда – в начало жизни, поймать изначальную программу. В ней всё было сказано, расписано по нотам. И главное, лет до шестнадцати я знал о своей программе. И если бы не чужая золотая ящерица...

Нет, ошибки начались не сразу. Пока учился в школе, всё это время работала моя программа. Я учился, и мне было интересно заниматься этим. Погоня за знаниями – вот что должен был делать я в то время. Знания о мире, о том, как устроено мироздание, что такое наша планета и человек на ней, как и кем создан мир – вот куда должен был идти всю жизнь. Там было моё призвание. Я должен был стать философом или священником. Никакой семейной жизни, детей, добычи средств на благополучие семьи, бытового или карьерного успеха – ничего такого не значилось в моей программе.

Школа вела меня правильным путём. Поэтому детство и юность видятся так, как, наверное, Адам вспоминал свою райскую жизнь. Океан неба, океан лета, осени, зимы и весны, синие горы, далёкий волшебный горизонт, ощущение полёта во сне и полёта наяву. Я жил как птица, поющая в Раю.

Но не задумался о том, почему всё было так хорошо. Мне казалось, это навсегда. Первая ошибка сразу же отняла моё райское древо и мою счастливую песнь. Это произошло при выборе профессии. Свобода воли и выбор пути – никто не поддержал меня, не предостерег от ошибки. Моя программа говорила, что нужно выбрать науку о планете – геологию. Но мать, посмотревшись фильмов о первопроходцах, запретила даже думать об этом. Я колебался. И даже, прибыв в университет, сдал документы на геологический факультет. Но запрет матери сделал своё дело. Вернее, это я совершил роковую ошибку – через два дня забрал документы и отнёс их в приёмную комиссию химфака.

Всё – выбор был сделан. Я ступил на чужой путь. Но тогда этого даже не заметил. Ну, химфак – и что? Тоже неплохо. Так думал я, победитель многих школьных олимпиад по химии. А то, что это был выбор моей матери, но не мой собственный – это как-то ушло на второй план. На первом во всей красе нарисовался сам процесс – учёба. Как всегда, учился с интересом, вникая во все подробности предмета.

Химия – роскошная вещь, особенно всё, что связано со строением атомов и молекул. Химические реакции в электронном изображении похожи на танцы странных существ, то протягивающих друг другу руки, то отталкивающихся один от другого, то вдруг делящихся на части или поглощающих соседа. Всё как в жизни людей или бактерий. Разница лишь в том, что образованием или разрывом связей управляют электронные заряды, а не чувство голода, например.

Увлёкся предметом настолько, что стал отличником. Откуда мне было знать, что химия в нашей стране – это работа на военных объектах. И откуда было знать моей заботливой мамочке, что работа на химзаводах – это как раз та самая реальная опасность, от которой она хотела меня уберечь. Геология по сравнению с химией – это песнь вольного художника.

С началом трудовой эпохи в моей жизни рухнуло всё, ибо я принялся рьяно выполнять чужую программу. Вещества, с которыми работал, все до одного были ядовиты. Но это ещё цветочки. Многие из них взрывались от любого воздействия. Ассортимент их постепенно расширялся, ибо я создавал своими руками и своей мыслительной деятельностью новые соединения. И всё это вместо производства мудрых мыслей о гармонии всего сущего.

Следование чужой программе тащило за собой и чужие ценности. Я решил жениться. Жена была недалёким созданием, как и все самки. До сих пор не пойму, как смог выбрать её из толпы таких же, как она, биороботов. Чем она отличалась от других? На этот вопрос нет ответа. Полное равнодушие к мыслительному процессу, знаниям и прочей лабуде – по её понятиям, было нормой. Её интересовал только быт – деньги, еда, моя должность и дивиденды, которые можно с этого поиметь.

Вскоре родился сын. Но с этого момента моя золотая ящерица, не успев родиться, стала терять хвост. Сын болел, жена стервенела, страна рушилась, моя профессия становилась ненужной, аспирантура и учёная степень превратились в атавизм. Сын погиб, жена ушла к бизнесмену.

Вот что такое – сбой программы. Но, исходя из всего произошедшего, этот сбой и должен был состояться, должен был остановить чужую программу и вернуть меня к истокам. Моя золотая ящерица потеряла не только хвост, но и тело. Зато осталась голова.

И вот я там, где и следует мне быть. Да здравствует гармония мира и мудрость Создателя! Жизнь удалась!

Что до тебя, мой неподкупный судия, взирающий на меня с вершин своего благополучия, я думаю, что ты счастлив. Ты счастлив, ибо истинно не видишь ничего, кроме своей золотой ящерицы. Ты счастлив, и дай тебе Бог!

ИДЕАЛЬНАЯ СУПРУГА

(исповедь соседа)

Я смотрю на жену. Она медленно передвигается по кухне. Её огромные ягодицы переваливаются справа налево и наоборот – такие рыхлые вибрирующие булки. Грудь висит и колыхается при каждом движении. Иногда кажется, что ничего, кроме этой желеобразной плоти и нет в этом создании. Есть, правда, неопрятные, сожжённые завивкой волосы, цвета грязной хны, и бесцветные, заплывшие жиром глазки.

Не люблю свою «половину». Если честно, я её ненавижу. Но, поверите ли, никогда в моей голове не возникало вопроса – а не уйти ли от этой тётки куда подальше? Вы удивитесь, но я живу рядом с этим созданием уже сорок лет. И ещё больше удивитесь, когда узнаете, что никогда не изменял ей.

Уходить мне некуда и не к кому. Я был единственным ребёнком у родителей. Их давно нет, на этом свете я остался один. Однажды понял это, ощутил за спиной пропасть – некий зов вечности, поедающей живых существ. Инстинктивно ухватился за бессмысленную гору плоти, которая всегда была рядом. И до сих пор не могу разжать рук. Так и живу, виртуально и реально вцепившись в Нечто Устойчивое. Это Нечто не может мыслить, а значит, не умеет сомневаться. Ну, судите сами.

Вот она сидит за столом, поглощает жареную картошку, увлечённо жуёт, выбирает кусочки получше. От удовольствия болтает ногой с висящей на пальцах тапочкой. Она живёт так всегда – только здесь и сейчас. Никакого прошлого, а тем более будущего, для неё не существует.

Вот она насытилась, сложила посуду в раковину, довольно потянулась, как это делают кошки или собаки. Зевнула, прихлопнув рот ладошкой. Сейчас вымоет посуду и начнёт готовить обед, потом ужин. Завтра будет стирать бельё послезавтра гладить его. Я уже чувствую запах разогретого утюга, вижу, как она стоит у гладильной доски, переступая с ноги на ногу. И так годами. Всю жизнь. Ни одной лишней мысли, никаких сомнений. Да и в чём сомневаться? В том, что картошка подгорит на сковороде?

Моя жена – идеальный биоробот. Что делал бы я, будь на её месте мыслящее существо! Просто погиб. Я не люблю её. Но зато могу любить на расстоянии любую красавицу, ничем не рискуя при этом. Жена никогда не поймёт, что мои мысли заняты другой женщиной. Она вообще не знает, что такое мысли. Ею командует плоть.

Учёные открыли, что человеком, кроме головного мозга, управляют ещё, по крайней мере, две системы – спинной мозг и кишечник. Я знаю точно – мозг моей жены перемещён в кишечник. Там идёт приём информации, и оттуда же поступают поведенческие команды. Для меня это невероятное благо. Я могу часами с ненавистью рассматривать это живое создание, изучать рефлекторную жизнь огромной амёбы.

Она при этом продолжает заниматься своими чисто физиологическими заботами, лишь время от времени замечая меня, как знакомый объект в знакомой среде. В такие моменты на её лице возникает гримаса улыбки. Отвратительное бессознательное растягивание губ, выражающее некое удовольствие.

Однажды куплю видеокамеру и буду снимать фильм из жизни амёб. Думаю, супруга будет довольна. Возможно, почувствует себя звездой кино. Любопытно было бы пронаблюдать её рефлексы в этой ситуации.

Моя амёба – хорошая мать. Она родила и вырастила двоих детей – сына и дочь. Теперь помогает воспитывать внуков. Так что в мире амёб всё, как у людей. Удивительно, но дети

интеллектуально так же далеки от матери, как и я. Они выросли мыслящими людьми, хотя забота матери никогда не переступала границ физиологии. Из чего я делаю вывод о бесполезности какого-либо воспитания вообще. Дети получили всё необходимое другим путём – видимо, через генетическую информацию.

И, слава Богу, эта информация не совпадала с материнской. Мои дети – самая большая радость для меня. Я никогда не был близок ни сыну, ни дочери, почти не участвовал в их жизни. Мы не можем соприкоснуться духовно, но при встречах я вижу блеск умных глаз ироничных образованных созданий. Мне этого достаточно. Если бы дети интеллектуально повторили мать, я, наверное, повесился бы на дубовом суку у крыльца дома.

Купил-таки видеокамеру и приступил к съёмкам фильма из жизни амёб. Я не был оригинальным и назвал своё творение просто – «Один день из жизни идеальной супруги». Мне далеко до Солженицына или Никиты Михалкова, но свою работу делал творчески.

Снял несколько дублей утреннего ритуала – подъём, умывание, готовка завтрака и поглощение оногo. Потом перешёл к съёмкам приготовления обеда и процесса его употребления. Далее последовал вечерний ритуал – ужин. Съёмка стирки семейного белья заняла более двух месяцев. Стирка совершалась редко – примерно раз в восемь-десять дней. Я сделал шесть дублей.

Работал, питая свою ненависть и, в конце концов, пришёл к выводу, что ненависть мало отличается от любви. Это не менее мощный двигатель для живого существа.

Сцены генеральной уборки квартиры тоже потребовали много времени. Уборка проводилась один раз в неделю. Я снял четыре дубля. Жена мыла полы, скребла плитку, сковородки, драила окна, меняла занавески. Я старательно снимал, выбирая самые отвратительные ракурсы – снизу, сбоку, в зависимости от вида её действий.

Толстые икры, увесистые бёдра, сардельки рук, бессмысленно-старательное выражение лица – всё зафиксировала камера безжалостным оком моей ненависти.

Жена никак не реагировала на съёмку. Я был немного удивлён, но, в конце концов, понял – для любой реакции на камеру необходимо иметь хоть каплю тщеславия. А это уже другой уровень интеллекта.

С помощью компьютера долго монтировал фильм, выбирая самые жуткие кадры.

И вот моё творение готово. Я усадил жену на диван и запустил фильм. Чтобы усилить эффект восприятия, несколько замедлил движение кадров.

По моим предположениям, в таком варианте уродство персонажа должно было высветиться ещё более объёмно.

Кадр следовал за кадром. Я не мог оторвать глаз от экрана. Там, словно дикое, неизвестное науке животное, грациозно двигалось неузнаваемо прекрасное создание. Живая Мадонна планеты Земля.

– Что, что такое? – лихорадочно спрашивал я себя. – Что произошло?

И, наконец, понял – случилась простая, но удивительная вещь. Впервые за сорок лет совместной жизни я посмотрел на эту женщину глазами любви. Вернее, камера позволила мне чуть-чуть изменить угол зрения.

Я понял, что прожил свою безрадостную жизнь именно ради этой минуты – минуты прозрения и любви. Понял, почему никогда не изменял жене. А ведь мог бы – ещё как мог!

ТА, КОТОРОЙ НЕТ

– Где ты, где ты, Жизнь моя... – говорю я себе.

За окном жирные лопухи трепещутся от ветра, по берёзам гуляет пламенем осень. Небо чисто и необъятно. Что мне ещё делать? Вернее, уже ничего не нужно делать. Всё кончилось. Жизнь прошла, прошумела, прогремела грозами, пронеслась ароматами, улетела в облака. Ау, где ты?

Никого вокруг, только голос ветра. Где мои родные, близкие, друзья, соратники? Вот только вчера разговаривала с ними. Только час назад меня любили, помогали, сочувствовали во всём. Родители, братья, сын, муж – как много было любви! Теперь – тишина, ни звука в ответ на мой призыв.

Часто думаю, а было бы иначе, если бы все остались рядом со мной? Или одиночество неизбежно, и каждый идёт именно туда – в узкие ворота? Наверное, так, ведь всякий проживает свою жизнь, находит свою судьбу. Это происходит всегда и не зависит от окружающих. Значит, я рано или поздно всё равно оказалась бы перед этим окном и увидела, как жирные лопухи трепещутся от ветра, как осень сжигает листву на берёзах.

Но что же дальше? А дальше всё просто – честная жизнь наедине с собой, где некому лгать, некого учить, некому помогать. Суметь бы помочь себе! А это сможет не каждый.

Вы уже начали понимать, о чём я говорю? Уже почти сочувствуете мне? Жалеете? Простите, но всё предыдущее – это лишь мои фантазии. На самом деле у меня большая семья. Сейчас откроется дверь и сюда войдёт целая толпа моих родственников. Они так надоели мне, что я часто забавляюсь, представляя своё одиночество. И мне это нравится. Мне нравится одиночество. Как можно было бы жить, если бы всё зависело только от меня!

Вот-вот, слышите – это стучит в дверь брат Александр.

– Привет, сестрёнка, как жизнь? Ты не можешь мне одолжить рублей двести-триста? Надо подарок жене купить, а зарплата только через три дня. Спасибо! Ну, я пошёл. В получку отдам.

Знаю, что брат не отдаст этих денег. Его получки хватит лишь на неделю, и то – только на хлеб. Такие заработки сейчас в АО, где он работает. А дома у него семеро по лавкам, мал мала меньше.

А вот и брат Николай – это его телефонный звонок. Он просит денег на ремонт двери. Его милые соседи в очередной раз испортили замок – пробовали несанкционированно проникнуть в квартиру. Они, вероятно, думают, что за дверью найдут кучу драгоценностей или мешок денег. Но там, за этой заветной дверью, обшарпанные обои, старая мебель, пустой холодильник. Жена в десятый раз ушла к своей маме, прихватив и детей. Я, конечно, выделю брату небольшую сумму – нельзя же жить в квартире с не закрывающейся дверью.

Так-так, а вот и муж собственной персоной. Рубашка совсем выцвела. Надо купить новую. Да и ботинки никуда не годятся. Если честно, то и у меня дела обстоят не лучше. Но... сыну скоро платить за учёбу, время поменять зимнюю одежду. И так – каждый день.

А ещё нужно сходить к родителям, купить им продуктов, помыть пол, постирать, сходить в аптеку за лекарствами. Накормить. Старики почти ничего не едят – нет аппетита, приходится несколько раз в день заставлять их поесть. Так что сидеть мне некогда. Побежала. Вот ещё одну секунду, только одну... Всё – моё время истекло. Я уже бегу на рынок, в магазин, в аптеку...

Странно, жизнь кипит, цунами суеты сметает всё и вся, но с каждым днём во мне нарастает ощущение нежития. Я не живу. Разве всё это жизнь? То, что называется жизнью, исчезло,

прошло, прошумело, прогремело грозами, пронеслось ароматами, улетело в облака. Жизнь когда-то закончилась. Я просто не заметила, когда это случилось. Любовь, сияющее счастье, солнце – это было тогда, давно, когда я жила. Теперь же нет и меня. Мне остаётся только сказать несколько слов себе: «Ау, где ты?»

А я (или не я) стою в аптеке в очереди, чтобы купить отцу сосудорасширяющие, матери – успокоительные, витамины, вату, йод и прочую лабуду. Теперь – в магазин. Хлеб, масло, овсяная крупа, конфеты, чай, кефир... Сумка становится всё тяжелее. Бегу к родителям.

– Мамочка, выпей кефиру, тебе это необходимо. Папочка – вот твои таблетки. Сейчас приготовлю овсянку, вам надо поесть горячего. И не возражайте, это не обсуждается.

Ну, наконец-то, теперь могу купить продукты для нас. Сумка опять набита доверху – ничего, я привыкла. Бегу домой без единой мысли в голове, и только три слова звучат мелодией будущего: «Ау, где ты?».

Где же я? Да вот здесь – на лестничной площадке перед дверью своей квартиры. Не могу повернуть ключ, когда же муж поменяет замок! Ну, слава богу, открыла. Ура! Я дома. Дома – это значит на кухне. Варю обед на всю семью, и на родителей в том числе. Пообедаем, тогда отнесу им своего борща. Тогда и пол помою у них.

Ну, вот, все поели, всё в порядке. Вымою посуду и – к родителям. Господи, почему же день такой безобразно длинный? Я совсем потерялась в его недрах, хотя... как может потеряться та, которой давно нет.

Или я всё-таки есть? Так есть или нет? Надо подумать об этом.

КОГДА СЛУЧИТСЯ ЖИЗНЬ

Вы не поверите, если я скажу, что мы все находимся в чистилище. Нет такого места в православном мире. Но, думаю, священники просто жалеют прихожан и не говорят им всей правды. Поэтому люди уверены, что просто живут на планете Земля, просто рождаются, становятся взрослыми, работают, старятся и прочее. Они думают, что могут быть счастливыми, все – без исключения. Но факты говорят о другом. Люди даже не знают, что такое счастье. Как же можно достичь того, о чём ты не имеешь понятия. Это то самое – пойди туда, не знаю куда; найди то, не знаю что.

Зато первая правда, которую они узнают, начинает медленно убивать каждого. Ещё ребёнком всякий из нас узнаёт потрясающую весть – люди смертны, *все* смертны. И ты, такой красивый, умный, добрый, такой живой, ты рано или поздно умрёшь. И тебя закопают в землю. И ты не будешь видеть солнечного света, не будешь ощущать его тепла, не увидишь жёлтых одуванчиков весной, оранжевых листьев осенью. Вообще ничего не будешь видеть и чувствовать. Отныне твой удел – страх. Бог своим милосердием заставляет человека забыть, хотя бы на время, но *забыть* об этом.

Что происходит дальше? Огромная череда испытаний. Испытания должны заставить человека вырастить в храме своего тела чистую Душу. Душа – это наш настоящий ребёнок. Это удаётся лишь единицам – тем, кого называют Святыми. Все остальные легко поддаются первому же соблазну беса – обмануть, украсть, предать, убить (хотя бы жука или мышь). Так постепенно Душа из прекрасного ребёнка превращается в смрадного монстрика. Он может быть таким невзрачным, что никто и не заметит этого превращения, даже и сам хозяин – носитель тела. Он будет считать себя человеком и никогда не согласится с тем, что вместо прекрасного ребёнка вырастил зверёныша. То есть, зверёныш – это и есть он сам. То бессмертное зерно – Душа, которая могла бы сделать его человеком, избавить от смерти, она исчезла. Вместо неё – зверёныш, страшный и уже ненасытный, творение беса, но не Бога. Зверёныш смертен, а с ним и его носитель.

Никто не знает, что было бы, если каждый имел уверенность в бессмертии. То есть, не имел бы страха, но знал, что несёт в себе чистое создание, божьего ребёнка – Душу, которую нужно растить, питать пищей – верой в бессмертие и в Добро. А вот если ты стал отнимать у неё эту пищу, она начинает умирать, зато набирает силу другой зародыш – отпрыск беса, зверёныш, ведь он питается твоими чёрными делами и мыслями.

Это и есть чистилище. Трагедия в том, что никто не объяснил тебе этого, да и не должен был объяснять. Ты обязан понять всё сам. Многие доходят до этого понимания, но уже тогда, когда исправить что-либо невозможно. Да и реально ли что-то исправить?

Вот ты уже знаешь всё это, но никто не подсказал, да и не подскажет, *как* исправить эту ужасную ошибку? Как вернуться к Истоку? Возможно ли это? Может ли человек, вырастивший зверёныша в себе, начать жизнь сначала? Считается, что да, может. Для этого необходимо пройти исповедь, раскаяться и причаститься. Неужели всё так просто? Думаю, это не так. Скорее всего, исповедь, раскаяние и причастие – это лишь Знаки, некая печать на твоём теле, на твоём храме, которую ставишь ты сам. Главное не это, ведь почти все «раскаявшиеся», пройдя обряды, продолжают жить так, как жили раньше.

Но что же делать? Как вернуть Душу-ребёнка и начать растить *её*, а не мерзкого зверёныша, уже выпестованного тобой? Вспомним слова Христа, адресованные больному, которого Он вылечил: «Иди, и больше не греши». Вот где истина. Раскаяться, конечно, необходимо – это позволит изгнать зверёныша, но главное, чтобы он не мог вернуться. Если ты раскаялся, дал обет Богу, то должен поступать, как велел Христос. Грешить больше нельзя. Как только нарушишь обет, зверёныш воцарится снова.

Но возможно ли это? Кто же не даёт тебе проверить! Раскайся, пусть даже не в церкви, а наедине с собой и перед лицом Бога. Но больше не вступай на путь сделки с бесом. Вот тогда, я думаю, *случится жизнь*. Ты будешь жить, и смерть оставит тебя, ведь она ищет только грешников. Тогда чистилище, *твоё чистилище*, приведёт тебя в Рай – по определению библии, это место рядом с Богом.

Всё так просто, но так невыполнимо. Почему? А потому, что толпы грешников сделают всё, чтобы ты стал таким же, как они. Они не терпят *других, иных*, ибо они – стая зверёнышей. Стая живёт по законам животного мира. *Другой*, не похожий на них, обречён. Поэтому люди, идущие к Богу, уходили из мира в скиты, становились отшельниками. Тогда стая просто физически не могла их достать. А если всё-таки попробовать уйти от греха, оставаясь в миру?

Неужели нам не хочется жить? Неужели мы так возлюбили смерть? Знаете, а я не верю в это!

ВАСИЛИСК

Что там – за этими кустарниковыми зарослями, за лебедой, вехом, болиголовом? Там – гора. Вернее, не гора, а складка местности – такой невысокий бугор. На нём – мурава, чистотел. А что за бугром? Там дикое царство Кашея. Испугались? А зря. Я пошутила. За бугром живёт Василий. Но царство его одичало и в самом деле – дом разваливается, сараям давно пришёл конец, всё заросло бурьяном. Из хозяйства остались только цепной кобель да жена. Желу Василий всегда считал частью хозяйства. И сейчас считает. Она кормила его тогда, когда корова мычала в стайке, телёнок бегал по лужайке, в свинарнике визжали поросята. Кормит и сейчас – устроилась на работу в санаторий. Каждый день ездит в Белокуруху – там находится это заведение. В деревне работы нет уже лет пятнадцать. Василий тоже принялся добывать копейку – купил на все сбережения автомобиль, стал таксистом. Теперь они почти городские жители, хотя никуда из деревни не уехали. Думаете все рады? Все смеются? Ну, да, так может показаться со стороны. Мол, приспособились люди и при капитализме не пропадут.

Однако дом и двор требуют обустройства, а времени и сил на это уже нет. Да и деньги мешками в кладовке не стоят. Деньги добываются где-то, далеко от дома. Всё уходит на ремонт «тачки». А время – на поездки: жена – в Белокуруху в шесть утра, домой – в десять вечера, Василий – то в Бийск, то в Барнаул с пассажирами. Вот и весь капитализм. Из развлечений – лишь компьютерная игра. Василий купил её для племянника, а у того уже, оказывается, была такая. Много раз пытался дойти до конца игры, но никак не получалось. Застрял на шестом уровне.

– Василиск! Открывай, ваша мама пришла, молочка принесла, – кричит жена и бухает за порог огромные сумки с продуктами.

Вот оно – счастье! Сейчас поужинают, чем бог послал, поспят часов пять и – снова в путь! Они уснут без задних ног, а вокруг всю ночь будет тянуться ввысь лебеда, с неба – падать тяжёлые звёзды, сараи, кряхтя в темноте, ронять с потолка прогнившие плахи. Бурелом всё плотнее станет наступать на ветхое жилище. В доме прожили три поколения, но, кажется, четвёртому здесь уже нет места.

– Василиск, вставай! Уже пять часов – заводи машину.

Василий не возражает против «Василиска». Ему даже нравится такая транскрипция. А что? Мужик он, хоть куда. Здоров, крепок, не дурак. А то, что деревне не нужен – так наплевать! Она ему тоже в мамки не годится. Документы на дом оформить не дают – всё отговорки какие-то. Даром что дом-то прадед родной строил, дед здесь жил, родители. А вот теперь все они, вроде как, ни при чём. Поэтому Василий живёт здесь временщиком – пока не выгнали, и – слава богу! Кто он – ни зверь, ни человек. Василиск!

Садится Василиск на холодное сиденье, включает зажигание. Крутой разворот и – прощай дом родной! Сегодня три пассажира до Барнаула. Сейчас соберёт всех по домам, свернёт на трассу. Вот она, родимая – серая, новенькая, гладкая, как шёлк! Так – чего-то не хватает. Ну, конечно, радио. Василиск услышал ровный голос то ли ведущего, то ли какого-то учёного:

Вы затронули вопрос, который будоражит умы человечества на протяжении всего периода существования разумной жизни на Земле. И никто с уверенностью не может на него ответить. У нас нет твёрдого знания относительно обстоятельств так называемого Конца Света. Вера и разные гипотезы есть, а знания – нет. Различные описания апокалипсиса, которые можно встретить в религиях мира, приспособлены под менталитет нации и носят скорее отпечаток социально-политического мифа, чем научного описания физических явлений.

Мы же предпочитаем исследования людей с инженерной жилкой, учёных, теоретиков и практиков. Высказываемые ими гипотезы по крайней мере претендуют на возможность

того или иного сценария. И в этом ряду на первом месте стоит монументальный труд Юрия Бабикова «Мировоззрение, или возвращение Прометея»

– Так, интересно, что будет дальше, – подумал Василиск и подкрутил регулятор громкости приёмника, усилил звук:

Я воздержусь от подробного комментария к этой книге – сейчас не об этом речь. В целом информация разделена на две большие группы: научную и мистическую. Научная гипотеза о происхождении мира представляется мне очень убедительной. С мистической же частью, на мой взгляд, дело обстоит не столь однозначно.

Так вот, согласно научной гипотезе автора, любая планета (в том числе и планеты солнечной системы) рождается в результате взрыва вещества сверхновой и последующего «слипания» сверхтяжёлых элементов, которые автор назвал тероидами (их нет в таблице Менделеева, хотя теоретическая возможность их наличия есть). В результате образуется раскалённое ядро с протекающими реакциями ядерного распада тероидов и синтеза новых, более лёгких, элементов. Со стороны это выглядит как рождение новой звезды. Со временем поверхность ядра остывает, покрывается коркой, затем происходит отслоение ядра от планетарной коры, образование магнитосферы, «распухание» оболочки, и так далее, уже в зависимости от близости к другим источникам излучения. Следуя логике этого процесса, можно предположить, что наступит момент, когда планетарное ядро истощится, и интенсивность процесса ядерного распада сойдёт на нет. Ядерный реактор планеты остановится. Жизнь в любой форме прекратится.

– Да, вот это перспективка! – с каким-то мрачным восторгом подумал Василиск. – Наши беды – это ерунда, получается.

Размеренный голос из недр эфира продолжал рисовать картины будущего:

Автор утверждает (и очень даже доказательно!), что именно так устроены не только планеты солнечной системы, но и само Солнце! То есть Солнце – это не раскалённый газовый шар, а обычное тероидное ядро, которое вот-вот начнёт остывать и со временем превратится в огромного мёртвого гиганта. Появление пятен на Солнце как раз свидетельствует о начале отвердения коры. Однако хотелось бы Вас успокоить относительно скорости всех этих процессов. Согласно расчётам Юрия Бабикова до момента отвердения Солнца нам ещё ни много, ни мало 6 миллиардов лет. И со временем сторонний наблюдатель может быть до глубины души потрясён увиденной картиной: в полном мраке, слабо освещаемом мерцанием далёких звёзд, бесшумно вращаются вокруг остывшего солнца темные и безжизненные планеты...

– Круто! – мысленно воскликнул Василиск, представив себе страшную картину мира без Солнца.

После долгой паузы снова возник голос ведущего:

Но...! Наступит момент, когда они, утратив гравитационные связи с бывшим светилом, начнут на него падать, одна за другой. И в результате падения самой большой по массе планеты солнечной системы Юпитера произойдёт пробой коры Солнца, что вызовет цепную реакцию и гигантский взрыв. Родится сверхновая, которая даст рождение новым планетам, и всё повторится вновь. Одним словом, птица Феникс.

Василиск так проникся тяжёлой судьбой человечества, что даже смахнул непрошеную слезу.

– Давай, дальше! – мысленно погонял он ведущего.

По поводу Солнца и Земли можно смело сказать, что всё это очень даже не скоро. А вот Луна... Здесь есть о чём задуматься. И тут мы вплотную подходим к разным пугающим календарным срокам. В частности, к календарю маяя. Складывается впечатление (это, конечно, не научный метод, но других пока нет), что мы живём в пределах гигантской и неплохо налаженной системной программы, ключевым звеном которой и, возможно,

главным процессором является Луна. То есть Луна не совсем естественный спутник Земли, а скорее искусственный, используемый под свои системные цели кем-то, имеющим прямое отношение к земной цивилизации. Мы как будто находимся в лабиринтах отражений Сергея Лукьяненко, и рано или поздно программа завершается последним уровнем, после которого идёт перезагрузка системы и... новая игра. Кстати, именно поэтому история, как известно, склонна повторяться, только с небольшими коррективами на уровень развития людей. Да и механизм предсказаний становится понятным, важно только распознать алгоритм работы программы. Тот, кому это удаётся, становится оракулом. Но и платит своей жизнью за полную подчинённость системе, так как становится одним из элементов системного кода.

– Значит, жизнь это чья-то компьютерная игра? Но делать такое может только Бог, – подумал Василиск.

А что же говорят календари? В календаре мая называется дата – 23 декабря 2012, после которой наступает Великая Пустота, безвременье. В Новом Завете это время именуется Апокалипсисом, и все пророчества последних дней в нем описаны очень четко. Оглянитесь вокруг, посмотрите международные новостные телеканалы, а потом перечитайте Новый Завет, где найдете ответы на многие вопросы...

Василиск вспомнил, что книгу с таким названием оставила ему в наследство бабушка. Заглядывал не раз в эту книгу Василиск, но не нашёл в ней ничего интересного.

– Надо почитать, – подумал он. – Я же не читал, а так – листал просто. А, похоже, бабушка-то не зря хранила книжицу.

Видимо, нас всё-таки ждут серьёзные перемены, и они будут похожи на сказочные метафорические описания, которые мы встречаем в религиях мира. И мы с вами станем живыми свидетелями происходящего. Как, например, воспринять сообщение о приближении к Земле неизвестного космического тела? Цитирую из того же источника: «Серьезные уфологии, внимательно оценивающие процессы во Вселенной, констатировали: к Земле приближается некое космическое тело. Это не банальное НЛО, а именно большое космическое тело, которое четко не проявлено в нашем пространстве. Оно относится к «нетрадиционной», неизученной материи, словом, нечто совершенно ИНОЕ. Тем не менее это самое «ОНО» обладает массой и инерцией, а главное – рядом электромагнитных параметров. По мере его приближения к определенным координатам нашей Солнечной системы резко меняются все параметры, связанные с понятием «электромагнитное поле Земли и других планет».

Вот так, ни много, ни мало. Может быть это «долгожданная» Нибиру, о которой писал Захария Ситчин? Может быть, это Реклостер – двойник Земли Юрия Бабикова? Может быть, это межпланетный флот Владимира Пятибрата? Гипотезы разные, но сходятся в одном – к 2012—2014 году стоит ждать больших перемен звёздного масштаба. Только вот КАЧЕСТВО этих перемен зависит уже от нас с вами. Я имею в виду, к добру это или к худу.

Вот на этой мажорной ноте разрешите завершить сии размышления о грядущем.

Удачи вам! С вами был журналист Михаил Кош.

Василиск уже не замечал звучащей из приёмника музыки. Поражённый услышанным, чувствуя себя новым человеком, который вдруг независимо от воли хозяина сам собой родился внутри, он механически вёл машину. И на обратном пути всё прокручивал в уме картины погибающего и вновь нарождающегося мира.

– Игра, игра, – думал он. – Играет Бог, а люди... Что люди? Ведь говорят, что душа бессмертна. И мы на каждом новом уровне этой игры рождаемся вновь. У нас, может быть, десять жизней или сто. Надо изучить «Новый Завет».

Вот с этого самого времени Василиск и начал читать «Новый Завет», потом – Библию. «Новый Завет» выучил наизусть. Бросил машину, жену, дом, всю суету беспросветного быта.

Теперь служит в местном приходе. Он спокоен, лицо его всегда освещается неким внутренним светом. Он думает, что это Свет Божий.

А В ОСТАЛЬНОМ, ПРЕКРАСНАЯ МАРКИЗА...

Жила-была дама, которая обожала мужчин. Знакомилась при каждом удобном и даже неудобном случае и всех приводила к себе в дом – переночевать. Ну, хотя бы раз. Вот так и шёл этот кудрявый поток – все разные, а скорее, одноразовые. Ну, как бумажные носовые платки, например. И так всю её долгую, цветущую жизнь – до восьмидесяти лет. Она называла это любовной лирикой.

А в остальном она была очень хорошим, *нравственным* человеком – учила детей в школе, как надо писать стихи. Её даже наградили за это медалью.

Жила-была дама, которая занималась ведовством и магией. Она считала, что ведьма – это хорошее слово. А Люцифер – это Ангел света, который помогает людям. И ей тоже помогает. Да так оно и было, и даже – за умеренную плату. Много ли стоит Душа? А в остальном она была очень хорошим *верующим* человеком и учила всех, как надо писать стихи и прозу.

Жила-была дама, которая считала себя гениальной писательницей и собиралась стать знаменитой после выхода на пенсию. Поэтому постоянно ездила в Москву, а потом давала интервью местному телевидению.

А в остальном она была хорошим и даже *умным* человеком и учила всех, как надо писать гениальные произведения.

Жила-была дама, которая считала себя гениальной поэтессой и пародисткой. При этом очень гордилась тем, что пишет письма одному знаменитому актёру. Находили они своего адресата или нет, неизвестно, но отблеск славы весьма кстати украшал даму-пародистку.

А в остальном она была добрым и даже *правдивым* человеком и учила всех, как надо жить и как следует писать стихи.

Жил-был джентльмен, который считал себя гениальным поэтом. Чтобы все могли это заметить, он вынужден был давить остальных гениев. Давил он их, давил, и добился, в конце концов, того, что гениальностью превзошёл всех.

А в остальном он был очень милым и даже *добрым* человеком и учил других, о чём нужно писать в стихах.

ЛЮБОВЬ – СТРАШНАЯ СИЛА

Всё лето – холод, дожди. Мало солнца, небо исчезло. Развалы туч на крышах домов лежат, словно мохнатые «персы». Заглядывают в окно на моём девятом этаже. На восьмом гудит «нанотехнология» – день и ночь варят наркоту. Растворитель, кислота, какие-то химикаты – всё это снизу летит в моё жилище. Идёт охота за моей квартирой. Сегодня обнаружила в почтовом ящике письмо из пенсионного фонда на имя неизвестного гражданина Арепьева.

Значит, мошенникам остался пустяк – убрать владельца, то есть, меня. После этого Арепьев поселится в моей квартире, ведь у него стоит штамп в паспорте с моим адресом. Женится. Они будут жить здесь долго и счастливо и умрут в один день.

Но они не знают главного – моя любовь к жизни сильнее их любви к моей квартире.

КАРТИНА, НАПИСАННАЯ РЖАВЧИНОЙ

Унылый белёсый дом напротив моего окна. Жестяные щиты балкона – картина, написанная ржавчиной. Потоки дождя и талые воды – два художника ваяли это полотно. На нём – семь ржавых человечков, худых и печальных, держатся за руки. Они идут куда-то – в неведомое. Знают что-то своё. Они молчат, заглядывая в моё окно. Они одиноки все вместе и каждый в отдельности. Я говорю им: «Привет! Как вы там, в вашей тайной жизни?»

Они зябко прижимаются друг к другу, колышутся и машут руками.

– Вижу, – говорю я. – Мне тоже рады в этом мире.

Мы понимаем друг друга, и дождь останавливается. Человечки уже не плачут, а я плакать давно разучилась. Нам не надо многого – только солнца и ветра. Вот этого побольше!

СВОБОДНЫЕ ГРАЖДАНЕ

Разрушенный кирпичный завод. Руины бывших цехов. На крышах растут тополя и берёзы. Окна зияют чёрными дырами. Что там, внутри? Или кто? Цивилизация бомжей и наркоманов. Она вызрела внутри нашего сообщества, как семечко в арбузе. Вон тропинка петляет в зарослях полыни, а по ней в сторону руин движется Некто – свободный гражданин свободной империи. За ним, не торопясь, болтая хвостами, идут задумчивые собаки. Они тоже свободные граждане на свободной территории.

Свобода здесь абсолютна. Все могут весь день лежать на солнце. Могут лежать в тени. Могут делать это неделю, две. Все свободны от забот. Могут умереть сегодня или завтра, через неделю или месяц. Никто не заметит этого. В этой империи живут в Истине, ибо нет более непреложного абсолюта, чем свобода смерти. И поэтому граждане её – вечны!

Но почему-то очень хочется освободить их ещё больше – дать им Свободу Жизни. Жаль, что я не волшебник.

ГОРОД КРЫШ

Есть города, стоящие на земле. Есть подземные города мёртвых – кладбища.

В нашем городе есть одно самое высокое здание – это десятиэтажка. Около сорока зданий – высотой в девять этажей. Остальное – пятиэтажные дома и жмущийся к земле частный сектор.

Поэтому из окна моего девятого этажа открывается просторный вид – это Город Крыш. Пустынный Город Свободы. В нём живут только птицы и я.

Крыши сверху похожи на палубы подземных лодок. Вот они поднялись из преисподней и застыли от удивления – оказывается, над толщей суеты есть небо и солнце! Есть другой мир. Он, действительно, другой. Это блистающий мир Природы, созданный Богом.

Он так сильно отличается от мира, творимого людьми – от этой душной возни, утопающей в жадности, зависти, злобе.

Мысленно шагаю по крышам, потом – по кронам сосен, по травам в степи, по вершинам гор. Здесь я могу быть Ангелом. Внизу Ангелам нет места. Мой город – это Город Над Городом! Приходите в гости!

ТЕОРЕМА ПОТОКА

Дано: Человек живущий, Поток материи-пространства-времени

Доказать: Бессмертие человека

Доказательство:

Шагает папаша в светлых джинсах – такой долговязый циркуль. За ним несётся мальчонка в красной рубашке и цветной кепке. Издалека он похож на круглый спелый фрукт, типа бегущего яблока. Мальчику года четыре. Он успеваешь погладить бродячую собаку, постоять возле кошки, присесть на клумбу и догнать папу.

Я смотрю на них сверху из окна. Они уходят, скрываются за углом. А мне так хочется завернуть за этот угол, бежать следом, войти с ними в их дом, видеть, как течёт жизнь. Хотя... она и так течёт. И я вижу этот поток. И чувствую. А как же иначе – ведь я его часть. Мне хорошо в этом необъятном.

Вот я закрываю глаза и слышу голос Потока: любимая мелодия – «Европа», первый альбом; многошумный ход автомобилей; лай собаки, крик сороки, гудок электровоза издалека; лязганье мусоровоза во дворе, вой пылесоса этажом ниже, детские голоса с улицы, журчащая песнь коршуна в полёте. Этим красивых птиц много в осеннем небе. Они нарезают круги над жилым массивом в поисках пищи.

Плотный Поток материи, звуков, красок, беспредельное число форм – Жизнь.

Есть что-то магнетическое в движении Потока. Может быть, это просто физика – Поток создаёт себе вакуумную оболочку. Проще говоря, увлекает всё близлежащее, затягивает в себя. А, может быть, и не только физика. Волшебство жизни. Всё живое создано так, что испытывает удовольствие, ощущая Поток Жизни. И поэтому стремится прикоснуться к нему, слиться с его течением.

Летит Поток. И я лечу вместе с ним – его часть, но неотделимая от него. А значит, я и есть Поток. И каждое живое существо – тоже. Мы едины со всем сущим. Это – доказательство бессмертия. Я доказала теорему Потока. Какую оценку поставит мне Учитель?

МИР ТВОРИТСЯ МЫСЛЮ

Ненавижу так называемую реалистическую прозу. Под этим ярлыком скрывается депрессивное видение мира. Одно пятно светлой краски (для приличия) – на бочку негатива.

Читаешь такие тексты и погружаешься в катакомбы, заполненные какой-то физиологической грязью. Хочется отряхнуться от липких ошметков чужого больного сознания, не знающего надежды, блуждающего в тесных лабиринтах рассудка – бытового мышления.

Это голос ортодоксов-безбожников. Свой угрюмый мир мёртвых вещей и таких же вещественных персонажей они считают единственно верным, не подлежащим изменению.

Они не верят, что можно видеть иначе, жить в другом – гармоничном и светлом мире, где людьми правит Дух, а не плоть. Реалистическая проза агрессивно плодит бесовщину – и не только на страницах книг, но и в умах людей, а значит, материализует себя в мире.

Как вы думаете, почему Библия написана языком детей и поэтов, языком сказки? Всё просто. Дети, поэты и сказочники видят мир глазами Истины. В этом мире Добро всегда побеждает, Зло всегда бывает наказано. Это и есть Истина и Закон, на котором стоит мир Человека, Божьего создания.

Дети, поэты и сказочники – творцы настоящего, живого, духовного мира. В этом мире, и только в нём, место Человеку Божьему. Человек-бес или человек-животное устроен так, что больше всего боится именно Света Божьего, выражающего себя через Нравственность. Человек-животное всегда против Нравственного Закона. Он придумывает сотни формулировок, оправдывающих его позицию, например: нравственность ограничивает права человека. Но Нравственность всего лишь заставляет человека быть человеком, а не животным.

В одном из рассказов австрийской писательницы Ильзы Айхингер описан герой, который не снимал с себя верёвочных пут. Он так и жил связанным, так и зарабатывал на жизнь в цирке. Люди ходили за ним по пятам, каждый норовил потрогать верёвочные узлы, проверить их прочность. Но когда Связанный ночью победил волка, выбравшегося из клетки и напавшего на него, никто в это не поверил. А после того, как Связанный сбросил путы, все вообще отвернулись от него. Очень наглядная аллегория.

Человеку, переставшему быть животным, победившему в себе волка, во-первых, никто не верит. Во-вторых, человек, сбросивший с себя путы животного мира, Человек Духовный, ощущается миром бесов как нечто враждебное. Теперь он – другой, из другого мира, и с ним не о чём разговаривать. Хотя все уверены, что он просто лжёт, а на самом деле – такой же, как они. Можно быть уверенным, что ОНИ постараются доказать это. Они просто не знают, что Человек Духовный непобедим. Человек Духовный – ребёнок, поэт и сказочник, носитель Нравственного Закона на Земле. И да здравствует сказка!

Я НИКОГДА НЕ БУДУ БАБУШКОЙ

1.

Когда-то давно, в другой жизни, читала я книгу Александра Неверова «Ташкент – город хлебный». Начиналась она печальными словами: « Дед умер, бабка умерла, потом – отец. Остался Мишка только с матерью да с двоими братишками..... Мать с голодухи прихварывает. Пойдёт за водой на реку, насилу вернётся. Нынче плачет, завтра плачет, а голод нисколько не жалеет. То мужика на кладбище несут, то сразу двоих. Умер дядька Михайла, умерла тетка Марина».

Помню, как жалела Мишку, которого отец за хозяина перед смертью оставил. Сочувствовала Мишке – тяжела у него судьба, трудна дорога в город хлебный.

А вот теперь и у меня брат умер, тётка умерла, сын умер, мать, потом – и отец. Осталась я одна-одинёшенька, взрослая девочка, которой пора уже называться бабушкой. Но бабушкой стать мне не суждено. Бабушкой я не буду уже никогда.

И голода нет, а народ мрёт и мрёт. «То мужика на кладбище несут, а то и сразу двоих». Что же такое происходит? То ли продукты заграничные, то ли солнечная радиация народ валит? А то ли неизвестные «вирусы». Всё помаленьку, а в целом получается как в той забытой книге «Ташкент – город хлебный».

Только идти теперь Мишке было бы некуда, разве на Луну улететь. А мне и тем более податься некуда – вот и сижу там, где сижу, и думаю, что же с нами происходит.

Великая криминальная революция 90-х ввела в обиход единую меру всего и вся – деньги. Душу деньгами не измерить. Отмерла Душа за ненужностью. Исчезла родственная любовь друг к другу, не говоря уже о ближнем. Деньги вынули Душу у народа.

Ещё по привычке газеты вопят: Пушкин в ХХ1 веке, Пушкин – это наше всё! Но Пушкина никто не читает. Вообще никто ничего не читает – кому оно надо! Вирусы, конечно, своё дело делают, но Душу вынули. А без неё живой человек – не жилец. Другое дело – мёртвый, бездушный от рождения. Вот таким сейчас самое время.

Я поспешила, когда сказала, что Мишке некуда было бы податься. Станислав Говорухин в поездке по стране нашёл такого «Мишку» десяти лет. Так вот этот «Мишка» – крупный асс по вагонам. Как и весь город Забайкальск. Занимается «Мишка» грабежом железнодорожных составов, идущих из Китайской Маньчжурии. Он курит по две пачки «Мальборо» в день, помогает больной безработной матери, купил себе японский мотоцикл.

Вот здесь, в деревне, где жили мои родители, есть местный «Мишка». Он пьёт в свои три года пиво и «красное», курит и помогает матери варить наркоту.

Так что вопрос мой «Что с нами происходит?» задавать некому, только себе самой. Отвечать на него страшно, но я же большая девочка. Мать звала меня в детстве – Лю. Так я и сама себя зову.

В эту самую минуту нахожусь в пустом родительском доме. Жить здесь в одиночку нельзя. Одиноких грабят и убивают. Так что дорога мне предстоит дальняя. Я должна перевезти дом моих родителей в город. Вернее, не дом, а дух его – старые вещи, фотографии и память о прежней жизни. Перевезти память... И самое печальное, что кроме меня сделать это некому.

Рассматриваю фотографии. На них куски далёкой и прекрасной жизни, когда все были живы. Когда мир сиял от солнца, улыбок и цветов. Всё это исчезло, растворилось во времени. Остались только вот эти солнечные драгоценные кусочки.

Вот так – в пустом молчаливом доме началась одиннадцатая жизнь Лю. Жизнь в одиночестве. Но так думать не правильно. Одиночества нет. Человек остаётся один на один со своей Душой. А Душа – живое создание, это ребёнок, который живёт в каждом, кто не потерял совести. Ещё с человеком остаётся Ангел-хранитель, остаётся при любых условиях. Так что Лю, единая в трёх лицах, вступила в свою одиннадцатую жизнь с помощниками, лучше которых и придумать нельзя.

2.

Вы спросите, почему эта жизнь одиннадцатая? Потому, что до неё Лю прожила десять разных жизней. Настолько разных, что казалось – каждый раз переселялась на другую планету.

Детство – огромная счастливая солнечная жизнь на зелёной планете, где весной цветут в горах лохматые дикие пионы, оранжевые огоньки, похожие на маленькие розы, и лиловые кукушкины слёзки.

Школьные годы в родительском доме – тоже долгая, весенняя жизнь. Сиреневая, черёмуховая.

Университет, студенческие годы.

Возврат в родительский дом, работа в школе.

Работа в НИИ, учёба в аспирантуре.

Самая длинная и тяжёлая жизнь – шестая, семейная. Болезни сына, которые следовали одна за другой. Страх его потерять.

Седьмая жизнь – трагические годы перестройки, безработицы, безденежья. Закончилась она потерей мужа и единственного сына. В это же время погиб младший брат.

Параллельно седьмой, Лю успела прожить ещё одну короткую, но тоже трагическую, восьмую жизнь, когда уехала ухаживать за больной тёткой в другой город..

Девятая жизнь – болезнь матери, её смерть.

Десятая жизнь – наедине с больным отцом, и его уход навсегда.

Сколько жизней ещё в запасе? Что там записано в программе по имени «Судьба»? Этого не знаю. Но одну вещь знаю абсолютно точно – никогда не буду общаться с носителями негатива. Эти чёрные дыры съедают чужую жизнь.

3.

И вот тихо, незаметно подкатила к воротам родного дома моя одиннадцатая жизнь. Для начала обернулась она маленьким грузовиком – зелёная кабина, плоский параллелепипед кузова. В его тесные границы должен был войти мой дом. Я пыталась сопоставить несопоставимое – спичечный коробок кузова и мою жизнь в родительском доме. Поэтому казалось, что ничего не получится – моё детство, юность и зрелость, жизнь сына, родителей, братьев никогда не уместятся в этот крошечный грузовичок.

Но произошло невероятное. Вещи, а с ними и наша история, любовь к родительскому дому, наш труд, желания, время – всё вдруг стало уплотняться, сжиматься. И, в конце концов, превратилось в маленькую кучу. Из неё удивлённо выглядывала наша жизнь. Но брезент, натянутый сверху, закрыл её. И уже было трудно что-либо узнать сквозь его серое полотно. Это катастрофическое сжатие нескольких жизней до размеров коробка, потрясло и убивало сознание. Оно отказывалось верить в происходящее.

Я уселась в легковую машину рядом с водителем, и мы отправились вслед за грузовиком. Он резво уносил мой дом от собственных ворот. Всё это казалось абсурдом, но в то же время

было самой реальной из всех возможных реальностей. Я смотрела и не могла насмотреться на этот убегающий вдаль коробок, заполненный прошлой жизнью.

Теперь осталось только настоящее, сиюминутное – размером с цветочное семечко. Оно висело где-то глубоко внутри меня, словно звёздочка в огромной галактике, и могло легко потеряться. Но так же легко способно было дать росток и даже расцвести.

По мере того, как дом мой убегал, я гналась за ним и не могла поверить, что всё это случилось со мной.

Родительский дом ещё вчера казался оплотом мира. Всё могло рухнуть, исчезнуть, раствориться во времени, сравняться с землёй, стать прахом. Всё – только не дом, где прошло моё детство, да и вся жизнь.

Сжался мой дом
И вошёл в грузовик,
Словно он к этому
С детства привык.

Утром сегодня,
Припомнив о том,
Едет куда-то
Мой маленький Дом.

Мамины сказки,
Поделки отца,
Солнце, взошедшее
возле крыльца,

Братя, сыночек,
Бабушкин лик —
Все уместились
В один грузовик.

Вот он бежит,
Покоритель дорог,
Счастье моё унося
За порог.

Солнце и ветер,
Мелодия – в тон.
Дом мой закрылся,
Свернулся в бутон —
Зиму впустил
На один коготок.

Где же мой аленький
прежний цветок?

Цветочек Аленький, Сказка Жизни, теперь во мне одной. И я не имею права не знать этого, не понимать, сколь много должна ещё сделать. Пока не напишу сто книг о прекрасном

мире, в котором жили мои родные, где обитаю я сама, до тех пор не устану, не состарюсь, не заболею, буду Воином Жизни. Так началась и закончилась в один день моя одиннадцатая жизнь.

Мраморные снежные вихри на дороге – это след, который оставил грузовик. Я бегу по этому летучему следу из настоящего в будущее.

Вся нечисть, которая питается чужими жизнями, сегодня сгорит дотла. Они прицепились ко мне в прошлом, а в настоящем я легко стряхну их, стоит только захотеть! Прочь, твари!

Двенадцатую жизнь я должна прожить в солнечном мире. В этой жизни вновь расцветут в горах дикие пионы, оранжевые розы огоньков и лиловые кукушкины слёзки.

АНУЙСКИЙ ПРЯМОУГОЛЬНИК

1.

Это началось в ночь накануне Ивана Купала – с шестого на седьмое июля. Живые клубящиеся тучи уже целую неделю держали в осаде весь край. Они выворачивались из-за хмурых гор, напоздали на дома, самовольно садясь прямо на головы людей, падая в лужи и говоря: "Шлёп. Шлёп». Шлепки становились всё чаще и, наконец, превращались в сплошной шум, а он перерастал в гул.

Накатываясь волнами, гул постепенно затихал, но после краткой передышки всё начиналось сначала. Временами вместе с дождём резко секли воздух увесистые градины. Они отскакивали от земли, словно белая дробь. Казалось, тучи ходят по кругу, не желая уходить – им нравится эта уютная котловина в пойме двух рек, большая подкова зубчатых скалистых и лесистых гор.

На самом деле так и было. Наэлектризованные слоистые клубы туч притягивались к мощной магнитной зоне – здесь проходила линия глубокого разлома. Его красивое имя – Фас Алтая – о многом говорило посвящённым. А непосвящённым всего лишь казалось странным мрачное кружение туч в одном и том же месте, будто они привязаны тайной властью к центру притяжения.

Линия Фаса Алтая пролегала почти точно вдоль параллели. А по меридианам, перпендикулярно линии Фаса, тянулись ещё два мощных разлома. Один – вдоль Ануйского хребта, другой – параллельно Башчелакскому хребту. Они образовывали чётко очерченный прямоугольник, внутри которого и находилась уникальная горная зона – такой Бермудский Ануйский четырёхугольник. Село, где жила Эври, раскинулось в северной части этого живого магнитного прямоугольника.

В ночь на Ивана Купалу началась гроза. Раскаты грома один за другим наплывали нарастающим валом – звук не прерывался. Эври вначале, услышав эту канонаду, решила, что летит сверхзвуковой военный самолёт – они часто двигались над селом и скрывались в юго-западном направлении – где-то далеко за горами.

Выйдя утром на улицу, Эври снова услышала ту же канонаду – почти ровный рокочущий звук. Казалось, он доносился отовсюду-со всех сторон сразу, но всё-таки было ясно, что сверху – с затянутого слоистыми тучами неба. Этот непрерывный, такой далёкий и одновременно близкий гул пропитывал всё вокруг ощущением тревоги.

Может быть, это был голос невидимых заоблачных зарниц или гул какого-то движения в горах – то ли это лавины шумели, сползая со своих лежбищ. То ли воды взбесившихся рек где-то ревели, и эхо носило их крик и вой, многократно отражая звук от звонких диких скал.

– А может быть, мне это кажется? И никакого гула просто нет? – думала Эври. Когда её мать вышла во двор, Эври как бы невзначай спросила: «Как ты думаешь-что это за звук?» Мать прислушалась и сказала:

– Что-то гудит, наверное самолёт.

– Но этот гул продолжается уже целые сутки.

– Значит, это гроза или ветер шумит, – легко отмахнулась мать. – А может быть, где-то идёт ливень.

2.

Эври целый день занималась уборкой в доме – мыла полы, вытряхивала половики и ковры, протирала пыль во всех углах. Время от времени выходя во двор, она прислушива-

лась – не затих ли загадочный рокот в небесных высотах? Но ворчливый почти спокойный гул какой-то заоблачной работы продолжался. И каждый раз сердце Эври наполнялось тягучей тоской оттого, что никто не мог объяснить – ч т о ж е э т о такое? Небесный рокот не затих и к вечеру. Странное подслеповатое солнце, едва выглянув из-под туч, скатилось за линию зубчатых гор, и вечерняя заря скрылась за опустившимися к земле завалами облачных нагромождений. Стало темно, как ночью. В сырой прохладной темноте ворчанье небес приобрело ещё более тоскливый и угрожающий оттенок.

Эври, постояв на крыльце в задумчивости, вошла в дом и решила пока не думать ни о чём, кроме домашних дел – это отвлекало от загадочного звука, напряжённо и осязаемо висевшего над землёй.

3.

Утром третьего дня, едва проснувшись, Эври сразу же вышла на крыльцо и прислушалась к дальним пределам пространства. Ничего не изменилось – всё тот же ровный гул, темно – синие тяжёлые облака, мрачноватый рассвет, пробивающийся розовой краской между туч.

Обернувшись на запад, туда, где среди ущелий и гор, три разлома земной коры образовали магнитный прямоугольник, Эври увидела на жемчужно – сером облаке тёмную тень какого-то большого предмета.

Сам предмет скрывался за облачным занавесом, лишь его тень, отбрасываемую лучами восходящего солнца, можно было увидеть на соседнем облаке. Вокруг этой эллипсоидной тени сияли радужные кольца, плавно переходя от сиреневого к синему, зеленому, жёлтому, оранжевому и ярко-малиновому – самому широкому и радостному цвету, образующему живую тёплую волну вокруг изображения.

Тень в радужной короне еле заметно смещалась к центру облака – невидимый объект медленно двигался, скрываясь за тучами. Эври, оторопев от феерического зрелища, стояла и, неотрываясь, смотрела на живую яркую картину.

Радужное сияние вокруг эллипсоидной тени пульсировало, переливалось, временами становясь золотистым или зелёным, а иногда – сиренево-розовым. Потом – снова радужным.

Сама собой возникла детская мысль – Колесница Илии Пророка. Это она передвигалась там – в клубящихся извивах туч, поэтому трое суток был слышен звук её двигателей. Но что ищет так долго тот, кто управляет Небесной Колесницей?

Эври отметила, что тень на жемчужном облаке уменьшилась. Радужная корона сжалась, но стала ещё ярче. Через пять минут тень уже напоминала десятикопеечную монету, а в сияющем радужном ореоле стало трудно различать цвета. Они постепенно сливались в единое неопределённой окраски кольцо, слегка отливающее бронзой.

Непрерывный гул, преследовавший округу, заметно затихая, растворялся в глубинах жемчужного пространства. И, наконец, тишина мокрого летнего дня воцарилась над горами, долиной, над селом. И уху, привыкшему за трое суток к тревожным перекатам за облаками, уже казалась странной эта звонкая прозрачная тишина.

4.

Долго раздумывала Эври над тем, что целых трое суток происходило в небе. Что же это было? Десятки раз спрашивала она себя и не находила ответа.

Решила заглянуть в Библию. Наугад открыла Эври толстый том и прочла: Книга Пророка Малахии. Гл. четвёртая. «Ибо вот придёт День, пылающий как печь; тогда все надменные и поступающие нечестиво будут как солома, и попалит их грядущий День, говорит Господь Саваоф, так что не оставит у них ни корня, ни ветвей... Вот я пришлю к вам Илию Пророка

пред наступлением Дня Господня, великого и страшного. И он обратит сердца отцов к детям и сердца детей к отцам их, чтобы я пришед не поразил земли проклятием».

– Принято считать, – подумала Эври, – что год земной – это один день Божий. И если небесный гул – это послание Илии Пророка, то какой-то из следующих годов должен стать тем самым днём, о котором Малахия написал – ибо вот придёт День, пылающий как печь...

Библейское пророчество странным образом впечаталось в сознание Эври. Она невольно стала размышлять о том, что может человек успеть сделать за один год. И не просто сделать, а *изменить* себя так, чтобы не стыдно было перед тем, кого называют Творцом. Она не то чтобы поверила в Бога, но как-то всем своим существом поняла – есть Сроки Жизни. И нужно успеть в отпущенный *тебе* срок *стать* человеком.

5.

Эври пыталась спрашивать у знакомых и друзей, не слышал ли кто в начале июля странного гула с небес. Одни отвечали, что был какой-то звук, но они не придали этому значения. Другие просто ничего не заметили – не прислушивались. Эври волей не волей пришлось размышлять обо всём в одиночестве. Она поняла, что люди ей ничего подсказать не смогут – никто просто не интересовался такими странными вопросами.

– Что такое один год? – думала Эври. – Это триста шестьдесят пять песчинок. Они бесшумно и незаметно уже падают и растворяются в Потоке Времени. Человек – тоже одна из таких частиц. Что успеет он, не умеющий и не смеющий ничем управлять?

Так размышляла Эври и печалилась о том, что не может найти подсказки и не знает, как ей быть. Постепенно эти мысли сами собой ушли на второй план. Живая жизнь, суэта отвлекали и от философии, и от июльского знамения – так назвала Эври небесное послание Илии. Но там, где-то на этом втором плане, постоянно шла работа – разум искал решения, искал Пути в иной – сияющий мир.

6.

И увидела Эври себя, стоящей возле распахнутого окна. Белоснежные лёгкие кружева занавески парили над её головой. Летний ветер играл тонкой тканью, глядя Эври по волосам и лицу. Ароматы диких трав и текучих вод вместе с ветром врывались в дом – большой рукав реки раскинулся внизу, прямо под окном. Где-то далеко, за еле видимой излучиной реки, проглядывали сквозь речные просторы контуры большого города.

Справа – в тройном зазеркалье отражался зелёный древесный мир. Кружевные висячие ветви берёз, дружно смотрящие в небо кроны тополей, дикие дебри кустарников – живая зелень на синем полотне неба. Слева от окна по бархатной мураве ходила толстопятая женщина с седыми волосами и молодым красивым лицом. Что-то своё делала она в этот день на берегу реки. Время от времени она возникала то в одном, то в другом зеркальном пространстве трюмо, потом уходила, словно навсегда исчезая за краем толстого стекла. И странно было видеть её вновь реальную, а не отражённую в зеркале, на реальной яркой траве. Что-то завораживающее вмещалось в эти два образа. Когда женщина в очередной раз попала в зеркальный плен, Эври потрогала её сиренево-розовое платье. Но холодная поверхность стекла сообщила Эври, что женщина далеко, и отражение-это что-то совсем самостоятельное, живущее своей жизнью. Спокойный и величественный полдень осязаемо висел над миром, вмещающим в себя всё – реку и травы, Эври и эту молодую седую красавицу, небо и дальние просторы.

И вдруг Эври почувствовала, как волосы встали дыбом на её голове. Она ещё не осознала отчего, но организм уже принял сигнал опасности из внешнего пространства. И только вечность спустя (так ей показалось) Эври увидела постепенно и бесшумно возрастающий на месте живого города злобный белёсый чудовищный гриб. Она смотрела, не веря глазам и не понимая пока, что видит.

Дальше последовал огромный по своей временной протяжённости промежуток. Это был всего лишь миг по земным меркам – несколько секунд между беззвучной картиной взрыва и приходом звуковой и ударной волны.

7.

Всё осталось так, как и было – белоснежные лёгкие кружева занавески парили над головой. Летний ветер играл тонкой тканью, глядя Эври по волосам и лицу. Ароматы диких трав, текучих вод с ветром врывались в дом. Красивая женщина в зеркале сиренево – розовым видением сияла на изумрудной мураве. Изменился только рисунок движения – живая картина неуловимо и плавно замедлила ритм. Кружева занавески еле заметно поднимались, словно навечно зависнув в невесомости. Красавица на берегу с невероятной грацией исполнила поклон – казалось, что воздух приобрёл плотность воды.

Эври почувствовала, что находится в какой-то иной реальности, где протяжённость времени не имеет границ. Она не смогла бы объяснить, откуда пришло такое знание, но была уверена, что это именно так. «Время дано, чтобы ты успела найти Бога,» – услышала Эври. Она обернулась и увидела огромные сияющие глаза. Прозрачные осязаемые волны излучало крылатое светящееся Существо. Эври никогда не встречала подобной улыбки – люди так не умеют улыбаться.

– Как же мне найти Его? – спросила Эври, боясь, что Существо исчезнет, и она останется одна без этой сияющей любви. Ей казалось, случись такое – слепота поразит её. Так ощущала она сейчас, хотя всего мгновение назад одиночество было естественным и привычным состоянием.

– Полюби Его и поверь Ему, – легко и просто ответило крылатое создание. – Полюби всем сердцем, и Он очистит тебя изнутри. Тогда прозреешь и найдёшь Бога там, где Он ждёт тебя.

– Всем сердцем... Сердцем... – объёмным эхом заполнили слова бесконечность пространства, которое Эври вместила в себя. Там, в этой гулкой бесконечности, она мысленно нашла свое сердце, ощутив его как пульсирующую теплую сферу, распространила тепло как можно дальше и толкнула в полет живой сгусток любви, восхищения и желания увидеть Того, чьей частью она должна стать.

Каждая её клетка устремилась вслед за этим мощным посылом. Эври летела и уже не могла остановиться. Всё новые и новые то серебристые, то золотистые, то хрустальные дали открывались ей, и восторг полёта стал её сущностью. Наконец, она поняла, что Бог – везде. И так будет всегда. Время исчезло.

Но каким-то самым далёким краешком прежнего зрения Эври увидела, как она стоит возле распахнутого окна, пытаясь закрыть его, но не успевает сделать это. Упругая волна, отброшенная страшным взрывом, уже бьет наотмашь по стёклам и они с каким-то жалким, почти не слышимым, звоном обсыпаются на пол в комнату и на землю. Эври падает. Волна настолько горяча, что вспыхивают занавески и начинает дымиться её платье.

Оглушённая, лежит она, почти ничего не понимая, зажав уши руками, и ждёт, что сейчас на неё обрушатся стены и потолок. Действительно, вокруг стоит какой-то утробный объёмный гул, похожий на вой лавины.

И всё же Эври неосознанно старается подняться, хотя понимает, что поздно что-либо делать – всё уже свершилось. Ей удаётся встать. Она, шатаясь, поворачивается к окну и видит,

как неузнаваемо изменилась картина, сиявшая живыми красками ещё минуту назад. Больше всего ей жаль стёкол в окне, ведь теперь совсем нет защиты от пыли, насыщенной смертью.

Эври пытается осознать то, что безнадёжно обрушилось на неё за считанные секунды, и просыпается в кресле у открытого окна. Она закрыла глаза и провалилась в сон всего на миг. И в этот провальный краткий промежуток так реально выплыла и проявилась картина – то ли будущее, то ли прошлое. Но одно Эври поняла точно – Бог помогает тем, кого хочет спасти, даже если осталась одна секунда или доля секунды. Спасаемый в миг опасности переносится в другую систему координат – там время растягивается ровно настолько, сколько нужно для поиска Спасителя.

Эври вспомнила, что такой эффект наблюдали многие, пережившие большую опасность и счастливо избежавшие её. Значит, если человек за доли секунды может стать другим, то что такое *г о д*? Это целая вечность. Но чтобы получить право жить в её пространстве, нужно иметь живую Душу, летящую к Свету.

СЫН БОГА

*Памяти моего сына Славы
посвящается*

1.

Камень, прогретый яростным солнцем, был уютен, как лежанка в старом обжитом доме. Иво присел в углубление, словно специально сделанное в форме кресла искусным мастером. Камень щедро делился теплом с неожиданным гостем. Иво снял телогрейку, растегнул рубашку и подставил лицо и грудь весенним лучам. Сквозь закрытые веки солнце казалось ярко-малиновым заревом.

Иво почти уснул, когда услышал рядом осторожное шуршание сухой травы. Он приоткрыл один глаз и увидел маленькую жёлтую ящерицу. Она уже взобралась на край камня и внимательно наблюдала за рукой Иво, которая оказалась перед её продолговатой мордочкой.

Иво открыл и второй глаз. Странно, но вдруг показалось, что ящерица подмигнула ему весело и задорно. Она быстро развернулась и шмыгнула в сухую траву. Смотрела оттуда, сверкая глазками, словно приглашала куда-то. Иво приподнялся, ящерица отбежала подальше. Иво шагнул один раз, ящерица отбежала ещё дальше. Двигаясь таким образом, Иво прошёл несколько шагов, следуя за ящерицей. Вдруг под ногами что-то блеснуло. Иво наклонился, разгрёб траву и увидел браслет.

2.

Это был браслет, сделанный из золотых монет. На монетах жёлтым барельефом сиял Георгий Победоносец. Золотое копьё, золотой конь, золотой щит и золотой змей под копытами – всё чётко, красиво и объёмно. Видно было, что монеты настоящие.

Иво рассмотрел и год – 1903, проставленный с обратной стороны монет – там, где раскинул крылья двуглавый орёл. Монеты крепились к боковым направляющим. Иво удивился, но эти направляющие в форме двух золотых ящериц, смотрящих в противоположные стороны, были словно слепки с той, живой золотистой, что подмигнула ему так весело.

3.

Поворачивая браслет то одной, то другой монеткой к солнцу, Иво задумчиво рассматривал внезапно явившееся чудо. Жёлтый металл притягивал взгляд, и что-то глубинное просыпалось в сознании. Казалось, браслет вот-вот заговорит. Иво, действительно, услышал голос, звучащий прямо в сознании, минуя речь. Голос ни мужской и ни женский, а похожий на звучание неизвестного музыкального инструмента.

– Закрой глаза! – приказал голос отчётливо.

Иво повиновался. Сначала ничего интересного не произошло. Но через полминуты Иво увидел светлое пространство, а в нём – цветную точку. Точка, переливаясь всеми цветами радуги, росла, и, наконец, заняла весь первый план. Мелькание цветов приобрело какую-то упорядоченность и постепенно перед внутренним взором Иво возникла фигура человека.

Золотисто-оранжевое сари, воздетые в небеса руки, лицо цвета неба, большой венчик из прекрасных цветов, надетый на шею и свисающий вдоль туловища почти до колен – совершенно такой, как в книге, которую дал Иво один кришнаит.

– Это Кришна, – подумал Иво.

– Да, это Кришна, – подтвердил музыкальный голос.

Кришна двигался в танце плавно и гибко. Две пары рук что-то выговаривали языком жестов.

– Кришна сообщает тебе, – запел музыкальный голос, – что этот браслет переплавлен и сделан заново в 1903 году в России. Но драгоценности, из которой он переплавлен, три тысячи лет. Смотри, как выглядит настоящий браслет.

Музыкальный голос запел мантру: Харе Рама, Харе Рама. Рама, Рама, Харе, Харе. Харе Кришна, Харе Кришна. Кришна, Кришна, Харе, Харе.

Браслет неуловимо изменился. Голос пел мантру. Браслет на глазах превращался в роскошное изделие, где вместо монет маленькие золотые фигурки Кришны танцевали, словно живые. Обрамлением служили цветы из венка Кришны.

4.

– Знай, что ты из числа Избранных. Кришна приглашает тебя в свой дворец, – пел голос. – Дорогу покажет ящерица. Иди за ней, ничего не бойся. Браслет надень на руку, ты должен вернуть его Кришне.

Иво встал, поискал глазами ящерицу. Она сидела неподалёку под сухим кустиком зверобоя. Безлюдная и равнодушная степь, ещё не совсем проснувшаяся от зимней спячки, раскинулась до самого горизонта. Там, казалось в несуществующей дали, синели едва видимые отсюда вершины гор. Иво шагнул в сторону ящерицы, она, блеснув ярко-жёлтым боком, скользнула вперёд. Он двигался, стараясь не упустить ящерицу из вида. Это легко удавалось – на грязновато – бесцветном фоне сухой степной травы её ярко-жёлтая спинка сверкала, словно золотой браслет. Иво почти бежал, попевая за её неуловимым мгновенным скольжением.

Бежать было трудно, но он не рискнул бросить телогрейку. Наученный суровой жизнью, он знал, что нельзя оставаться без тёплой одежды в голой степи даже летом. А сейчас ещё только март. Иво бежал, обливаясь потом, задыхаясь, боясь потерять своего волшебного гида. Наконец, он упал, не в силах двигаться дальше.

– Стой! – взмолился он.

Ящерица остановилась, сидя на небольшом камне. Иво смотрел на неё с обожанием – он и не думал, что будет понят. Он лежал, блаженно глядя в глубокое небо. Там, на невысказанной высоте висели лёгкие перистые узорчатые облака, словно ажурный веер прекрасной царевны.

5.

Иво только сейчас задумался над тем, что произошло. Он воспринял всё так, как будто ждал чего-то подобного. Но ведь на самом деле не ждал. Он и представить не мог такого чуда – золотой браслет в траве, золотая живая ящерица, музыкальный голос, мантра, Кришна... Всё это не укладывалось в голове. Иво – Избранный! Может быть, ему всё это снится?

Он скосил глаза, убедился, что ящерица сидит на камне – ждёт, когда он отдохнёт. Облака в вышине, шелест сухой травы, бескрайняя степь – всё абсолютно реально. Нет, это не сон. Тогда за что же ему выпало такое счастье?

– Ты сын Бога Кришны, – прозвучал музыкальный голос. – И рождён в России для испытаний, для закалки Духа. Всё закончилось, ты прошёл свой Путь.

– Я? — удивился Иво. – Я – сын Бога? Не может быть!

Он, рождённый в сибирском селе, мальчик – хулиган, не слушавшийся учителей, плохо учившийся в школе – он сын Бога? Иво вспомнил свою мать – простая женщина, доярка в совхозе. Она вставала в три часа ночи, потому что в четыре утра начиналась дойка. К шести утра мать уже возвращалась домой и хлопотала у печки. Она часто ругала Иво за плохие отметки,

за хулиганские выходки в школе, за неделанные уроки. Мама, мама – теплом разлилось в груди это забытое слово. Иво был уверен – мать рассмеялась бы, скажи ей кто-нибудь, что её непослушный ребёнок – сын Бога.

Иво плохо учился и в училище, куда мать отдала его после девятого класса. Его никогда не хвалили. Ни разу не посетила его голову мысль о своей исключительности. Когда Иво попался на краже магнитофона из «крутого» автомобиля, и его продержали год в тюрьме до суда, он совершенно смирился с тем, что жизнь повёрнута к нему одним из своих уродливых ликов. Но в то же время он понял – в тюрьме сидят обычные люди, и многие попали туда за пустяки. Иво голодал вместе со всеми, потому что мать не могла делать ему большие передачи, на это не было денег. Он спал по очереди на нарах – камера была переполнена.

Иво пил чай из одной кружки с туберкулёзником Петрухой, потому что другой кружки не было, а мыть посуду никто и не помышлял. Он мёрз ночами – в камере было сыро, окно и стена возле него покрывались инеем.

Когда он попал туда же во второй раз снова за кражу магнитофона из автомобиля, то шёл в камеру уже как в родной дом. И вот сейчас он после третьей отсидки вышел в тот мир, который всё время отвергал его. И кто бы мог подумать, что здесь, в степи, ждёт его такое чудо.

Хотя Надежда на чудо всегда жила в сердце Иво. Узнав жизнь с уродливой стороны, пережив многие чёрные дни, он нисколько не обозлился. *Детская любовь к миру так и сияла в нём как солнце.*

6.

Иво приподнялся, взглянул на ящерицу. Она посмотрела озорным глазом, словно приглашая продолжить путь.

– Хорошо, – сказал Иво, – пошли дальше.

И снова бежал он, ловя золотое сверкание в траве. Снова падал, отдыхал. Ночью спал, свернувшись калачиком на охапке сухостоя. Так прошли три дня. Иво был голоден. Он чувствовал, что ослаб. Но желание дойти т у д а, куда вела его золотая ящерица, было сильнее голода и усталости.

На четвёртый день Иво добрался до самого подножия гор. Это случилось поздно вечером. Над цепью гор повис тонкий серебряный месяц, сияя голубым светом в окружении неправдоподобно огромных звёзд. Иво долго смотрел в узкое лицо месяца, пока не уснул безмятежным счастливым сном.

7.

Солнце достало Иво своими тёплыми лучами и разбудило его. Утро было дивно прекрасным – вся степь, склоны гор горели розовым огнём. Ящерица уже сидела рядом на камне и смотрела как всегда весело и призывно.

– Я готов, – сказал ей Иво.

Он стал карабкаться вверх по склону вслед за ящерицей. Склон становился всё круче – ноги постоянно сползали вниз по сухой траве.

Три раза Иво отдыхал, сидя на валунах и глядя в просторы степи, которые он прошёл за четыре долгих дня. Если бы не золотая ящерица и не браслет на его левой руке, он не смог бы проделать этот огромный путь. Но ящерица неведомым образом давала силы Иво, помогала ему. Наверное, так и было.

Иво поднялся на вершину и увидел, что путь обрывается – впереди каменная пропасть. Ему хорошо было видно, как на дне пропасти между камней пробирается серебристая изви-

листая нитка горной реки. Ящерица сидела на самом краю пропасти и смотрела на Иво своим озорным блестящим глазком, как будто говоря: «Ну, что, пришёл? Куда теперь?»

Иво оглянулся вокруг, как бы ища подсказки. И она не замедлила появиться.

– Ты должен перелететь пропасть, – ясно сказал музыкальный голос. – Это твоё последнее испытание. Тогда ты перейдёшь в состояние Бога. Помни, Кришна любит тебя и ждёт!

8.

Иво долго сидел, глядя на другую, такую недостижимую, сторону пропасти. Ему казалось – он видит золотой замок Кришны. Сверкающие гладкие ступени вели в его недра. Золотые главы башен сияли под солнцем. Узорчатые стены, покрытые вьющимися цветущими лианами, пальмы, раскинувшие огромные листья и дающие кружевную тень, фонтаны с серебряной водой, выбрасывающие её живые струи из рук статуи Кришны – всё это видел Иво на другой стороне каменной пропасти. Солнце уже скатывалось к горизонту, стремясь присесть напоследок на самый краешек неровной линии гор. Скоро стемнеет. Нужно решать, что делать. Неужели путь длиною в четыре долгих дня, полных голода, холода ночей, надежды на чудо – неужели этот путь проделан напрасно?

Иво, привыкший ко всяческим лишениям, переживший не однажды обман и предательство, знавший горькие минуты потери друзей, чуть не плакал на краю каменной пропасти. Жёлтая ящерица, дарившая ему силы в пути, исчезла – он даже не заметил, когда – так пристально всматривался он в очертания золотого дворца Кришны, так рвалось туда его уставшее сердце.

Наконец, Иво понял, что не сможет вернуться обратно. Он понял, что способен шагнуть только вперёд, и упасть, разбившись о камни, либо, действительно, взлететь. Он успокоился, оглянулся вокруг, неосознанно ища поддержки, и шагнул в пропасть, успев краем глаза увидеть огромный карминовый диск солнца, прилепившийся к горизонту.

9.

Иво падал вдоль каменной стены, летя туда, где петляла меж камней на дне пропасти горная речка.

– Ну, вот и всё! – с каким-то облегчением произнёс он вслух. Ветер сорвал эти слова с его уст и отбросил вверх – к вечернему сиявшему малиновым отблеском небу.

Иво вдруг заметил, что падение остановилось. Он увидел Кришну в золотом сари. Кришна держал его в своей ладони и улыбался. Они взмыли вдоль кручи вверх и оказались на сверкающих ступенях золотого дворца.

МАНДОЛИНА И НИКОЛАЙ

1.

В прозрачной голубой темноте по дорожке лунного света, балансируя на круглых копытах, как бы ныряя и выныривая, двигался знакомый силуэт. Две увесистых ягодицы, переваливаясь справа налево и вибрируя в такт стуку копыт, отражали в глянце потной кожи рассеянный лунный свет. Мышцы мощной спины, залитые застарелым жирком, указывали на бойцовское прошлое и настоящее.

Поворот головы, ехидно – волевой профиль... Ба, да это же... Не может быть! Точно, она – Мандолина Одолеевна. Кто бы мог подумать! Да, кто мог, того уж нет, а прочие далече. То-то я всё удивлялся, откуда у неё такой аппетит?

Ну, съела одного, другого, пора бы и честь знать. Теперь поня-а-тно! Но что же мне делать после этого? Как себя вести? Вот незадача! Вечно я увижу то, что нормальному человеку и не приснится. Только бы она не обернулась, Господи, сохрани!

Квадратная голова Дьяволицы поплыла налево, повернулась на сто восемьдесят градусов и уставилась фосфоресцирующим глазом прямо в лицо бедного Николая – Чудотворца.

– Добрый вечер, Мандолина Одолеевна, – пролепетал Николай, заметно бледнея даже в лунном свете.

– Добрый вечер, – нежно-нежно пропела Мандолина, – только разве вы не видите, что уже ночь? – ещё нежнее прошелестела Одолеевна.

– Господи, чур меня! – мысленно ужаснулся Николай. – Как я раньше не замечал, что у неё два лица и оба прелестные. А вслух как бы приветливо, как бы радостно промолвил:

– Гуляете? Свежий воздух – это всё! (И про себя: Что я несу, что несу, окаянный!)

– В этом я с вами согласна, – коротко хохотнула Дьяволица.

– Понимаю, понимаю, что только в этом, – мысленно ответил Николай. А вслух сказал очередную чушь: " И я с вами согласен».

– Что это вы без очков? – в упор спросила Мандолина.

– Да-да, я ничего не вижу. Какое у вас платье удивительное – точно по фигуре! Вам очень идёт.

– Платье? Может быть... Вы всегда по ночам гуляете?

– Нет-нет, что вы! Я случайно, – с ужасом услышал Николай свой жалкий голос. – До свидания, хорошей прогулки! А я – прямо домой.

– До свидания, – мелодично пропела Мандолина, – на работе увидимся, – ещё нежнее пообещала Одолеевна.

– Что я наделал! – ужаснулся про себя Николай.

2.

Напролом через кустарники, залитые серебром луны, разбрасывая во все стороны её сверкающие брызги с каждой ветки, попадавшей на пути, сам в серебре с головы до ног, бежал Николай всё дальше и дальше от страшной и неизбежной как скала Мандолины.

– За что, Господи, воздвиг ты над моей бедной головой эту Дьяволицу! Почему так страшны, особенно страшны начальники в женском образе? Хотя какой там образ! Что в ней женского, кроме голоса... – шептал на бегу Николай.

Он устал, тяжело дышал. Серебро луны медленно стекало с его волос, падая на плечи, струясь по груди, рукам, ногам... Остановившись на высоком берегу реки, Николай окинул

глазом вдруг открывшуюся фантастическую панораму – река, лес, горы на далёкой кромке горизонта с висящим, парящим в небе живым диском Луны.

– Спаси меня, Господи! – воскликнул Николай даже не внешним голосом, но всем звучанием бедной своей души.

Привычно оторвался он от земли и полетел над сияющим миром, вдыхая ночной ветер, купаясь в его потоке и плача от счастья. Серебряный свет, сияя и медленно тая, падал на землю и снова возникал из летучего тела Николая, словно инверсионный след НЛО.

Везде, где упал серебряный туман, везде люди проснутся счастливыми, – мимоходом подумал Николай и улыбнулся. – Благодарю, тебя, Господи, за милости Твои!

Он спустился медленно и плавно на живую гладь реки и пошёл по воде вверх к истоку – туда, где в лунном сиянии были видны ледники Белухи. Чем выше поднимался Николай, двигаясь по текучей воде, тем более бурным становилось её движение – начались пороги. Николай долго стоял, возвышаясь над камнями, омываемыми хрусталём потока, задумавшись и слушая лишь его волшебный гул, угрожающий и успокаивающий одновременно.

– Пора домой. Скоро рассвет, – сказал себе Николай, и голубой молниеносной кометой полетел вдоль реки обратно, роняя свет и освящая воды древней Катуня.

– Через воды твои придёт к людям благодать, – сказал Николай, обращаясь к реке.

3.

Николай – Чудотворец с тоской смотрел в окно на ясное небо, где привольно и неподчётно никому плыло ярко-белое облако, невесомое и жемчужное. Томила в тоске Душа Николая, слушая знакомый сладкий голосок Мандолины.

– Мини – заводы «под ключ» – вот направление нашей работы на ближайшие годы, – певуче и уверенно говорила, любуясь собою и своей плавной речью, Мандолина.

Её мощный стан, её двоящееся мужское лицо, глаза с явственно задёрнутыми шторками – всё было направлено к монолитной цели – вовлечь научных сотрудников вверенного ей АО в зажигательный процесс создания мини —заводов.

– Заводы по комплексной переработке растительного сырья, нефти, газа, угля, полимеры из нефти, удобрения из угля и так далее – вот перечень задач, достойных науки и открывающих огромные перспективы возрождения промышленности в России! – пела Мандолина, вдохновенно взирая на внимательно слушавших и впитывающих потоки мудрости сотрудников.

– Скажите, а как мы будем создавать все эти заводы по переработке нефти, газа, угля, получать лекарства из растений, ведь среди нас нет ни одного специалиста в этих областях? Мы же всю жизнь занимались военными заказами, а это очень уж далеко от поставленных задач! – абсолютно невпопад с растерянным выражением вечно наивного лица вставил фразу Нитроэфирский.

– Не нужно преувеличивать трудности, – обнадеживающе возразила Мандолина. – Да, конечно, специалистов у нас нет, но мы обязаны ими стать. Командировки в любой город, на любое предприятие, в столичную библиотеку – куда угодно, хоть на Северный полюс – всё в наших руках! Езжайте, добывайте информацию, осваивайте её, применяйте на практике – вы же научные сотрудники. Я жду от вас творческого подхода.

– Но у нас нет денег даже на зарплату! – опять невпопад поразился Нитроэфирский.

– На зарплату нет, а на командировки наш уважаемый Владимир Вельзевулович деньги выделил, так что делайте выводы.

– Но как же, как же так? – снова невпопад выкрикнул Нитроэфирский. – Ещё вчера мы ни сном – ни духом, а сегодня уже должны быть специалистами? Ведь здесь нужны годы работы?

– У нас их нет. В запасе лишь два-три месяца. Мы обязаны освоить эти области в самые кратчайшие сроки – вот здесь вы правильно поняли задачу! – одобрила Мандолина, угрожающе глядя прямо в глаза Нитроэфирскому.

– Но ведь это авантю... – не успел договорить он.

– А вот ярлыки прошу не приклеивать. Работать можно и нужно творчески. Главное – работать, а всё остальное приложится. Ещё есть вопросы? – пропела Мандолина, так значительно оперев на слово «ещё», что всё стало ясно, и вопросы отпали сами собой.

– Ну, что? За дело! – напутственно молвила Мандолина, бросив быстрый взгляд на Николая. Он опустил глаза и быстро вышел вместе со всеми из кабинета.

– Господи! Благодарю тебя за то, что поставил печать на мои уста! – обратился он к Творцу. – Господи, дай сил и далее молчать, ведь ничего другого здесь не требуется.

4.

Мандолина слов на ветер не бросала. В течение двух недель разъехались научные сотрудники по командировкам – во все стороны большой страны, туда, где ещё несколько лет назад работали огромные комплексы по переработке нефти, газа, угля, фармацевтические заводы. Почти все эти славные ранее предприятия стояли из-за нехватки средств и отсутствия спроса на их продукцию – одним словом из-за кризиса в стране, причины которого никому не были известны, вернее были известны всем, поэтому о них никто не говорил.

Лишь некоторые умники типа Нитроэфирского кричали, что кризис – дело рук Международного валютного фонда – якобы масонской заговорщической организации, этакого Мирового Паука.

Но все эти умники – нитроэфирские – всегда играют роль клоуна, которого директор цирка послал предупредить публику о пожаре. Клоун кричит: «Пожар! Пожар! Спасайся, кто может!» А публика хохочет, пока горящие балки не начнут падать на головы.

Николай – Чудотворец молча наблюдал за процессом. И все молчали, делая вид научных сотрудников, занятых важными исследованиями, пропуская речи Нитроэфирского мимо ушей.

– Мини – заводы – что это такое? – всё бормотал Нитроэфирский. – Ведь это же кустарщина. Нельзя быть кустарём в переработке нефти, газа, угля. Зачем начинать с моделей, когда уже созданы промышленные комплексы, ведь они стоят, имея все возможности для работы. А что такое мини-завод? Установка во дворе у какого-нибудь предпринимателя? Что, к каждому двору тянуть нефтепровод или возить уголь автомобилями? Это же абсурд. Это экономически и технически невозможно!

Безумные речи Нитроэфирского слышал лишь Николай. Он согласно кивал головой и успокаивал философа, говоря, что тот прав. Абсолютно прав. Но никто более не участвовал в этих разговорах. Все участвовали в процессе. Им было некогда.

Постепенно гонцы возвращались с воодушевлёнными лицами и папками добытой информации. В кулуарах и на совещаниях пошло бурное обсуждение нефтяных, угольных и медицинских проблем. Поток специальных терминов стал так плотен, что Николаю по ночам снились скрубберы, инжекторы, гидрогенизаторы, колонны ректификации. Наяву же кое-где были смонтированы подобия перегонных колонн из стеклянного оборудования. Конечно, это были не мини-заводы, но всё-таки кое-что, потому что конструкторы и по этим подобиям создали чертежи мини-заводов, а технологи написали целые романы по «новым» технологиям. Всё это было прошнуровано и уложено в специальные пакеты, которые и должны были преподноситься потенциальным заказчикам, как проекты мини-заводов «под ключ».

Мандолина на глазах приобретала всё больший и больший вес – пропорционально весу бумажных проектов.

Доволен был и Владимир Вельзевулович, ведь средства, выделенные им на творческий процесс (то есть на командировки), не пропали втуне, а были эффективно освоены. Правда, никто не знал источника этих средств, хотя было ясно, что в конечном итоге – это государственная казна. В местных газетах, на телевидении, по радио – везде, где только возможно, пошла реклама: Мандолина Одолеевна и заводы «под ключ», Владимир Вельзевулович и заводы «под ключ». Благо России, подъём промышленности, плоды конверсии, спасение человечества – мини-заводы «под ключ»!

5.

Фотогеничная Мандолина, обаятельный Владимир Вельзевулович! Не хватало лишь щедрых и готовых на подвиги заказчиков. И они, конечно, появились. Правда, никто их воочию не видел – слишком далеко они проживали. Для человека, не сведущего в географии скажем лишь, что заказчики обнаружили где-то за Полярным Кругом, где много оленей, снега, льда и ещё больше брусники и клюквы. Из них-то на своём будущем мини-заводе и должны были выжать соки и сделать лечебные экстракты «Брусничку» и «Развесистую клюковку» научные сотрудники – теперь уже специалисты по мини-заводам.

Заказчики по договору выделили не малую, а очень даже солидную сумму на монтаж будущего мини-завода. Об этом с чувством глубокого удовлетворения, вернувшись из Заполярья, сообщил уважаемый, импозантный Владимир Вельзевулович.

Начался первый этап большого пути!

6.

– Елизавета Одихмантьевна, – улыбаясь проворковал в трубку Владимир Вельзевулович, – принесите, пожалуйста смету, да-да, сейчас.

Дверь открылась и вошла Елизавета – вся в бежевом. Подсев к Мандолине, начала тыкать пухлым пальчиком в бумаги. Оживлённому обсуждению сметы на протяжении пятнадцати минут благоговейно внимали присутствующие на совещании научные сотрудники.

– Ну, как? – обратилась к ним Мандолина. – Как вы считаете, смета реально отражает расходы на строительство завода?

– Можно я? – вызвался Кустанайский.

– Да-да, прошу вас, – улыбнулся Владимир Вельзевулович, глядя на Елизавету, стоящую у освещённого окна, на фоне которого особенно хороши были её бежевые бёдра. Елизавета (в обиходе – просто Лиза) улыбнулась ему в ответ приподняв носик и поправив пухлым пальчиком очки.

Явственная молния проскочила, щёлкнув в сухом воздухе, и соединила на миг горячий взгляд Владимира Вельзевуловича с синтетическими бёдрами Лизы.

– Если исходить из реальных расходов на материалы и трудозатраты, – бормотал Кустанайский, – то расходы на монтаж оборудования отражены реально. Но мне кажется – недостаточна сумма, выделенная на освоение технологии, ведь именно эта сумма пойдёт разработчикам не только на зарплату, но и на воспроизводство.

– Что ж, мы учтём ваше пожелание, – сказал плотоядно улыбаясь и глядя по-прежнему на Лизу, Владимир Вельзевулович. – Но я призываю всех быть как можно экономней.

– Чтоб ты подавился, старый развратник! – подумал про себя Кустанайский. – Как работу изображать, так – мы, а как деньги брать, так только ты со своими бабами.

– Сверкнув глазами на Елизавету и Мандолину, тем не менее, Кустанайский произнёс: «Я вас понимаю – вы печётесь о благе общества».

– Мы все обязаны об этом думать, – благолепно глядя на Лизу сказал Владимир Вельзевулович.

Тут совершенно неожиданно и как всегда невпопад вскочил Нитроэфирский:

– Но мне кажется, мне кажется, что смета страшно раздута, – выкрикнул он дрожащим голосом. – Тем более, что все эти горшки из нержавеющей стали, все эти самоделки, они давно списаны и не стоят уже ничего. И если разобраться, кому принадлежат все эти материалы? Ведь они государственные! Разве не так? И какое мы имеем право продавать это как пищевое оборудование?

– Мне кажется, – мягко перебил его Владимир Вельзевулович, – что вы многого не понимаете. Мандолина Одолеевна, я поручаю вам разъяснить вашему сотруднику особенности сметы. Я думаю, после беседы вы всё поймёте. За работу!

7.

Николай уже несколько раз прошёлся, пролетел мимо двери ненавистного ему кабинета. Наконец, взялся за ручку и повернул её.

– Разрешите? – спросил он как можно приветливее.

– Да-да, прошу вас, – пропела Мандолина. – Что вы хотели? – осторожно поинтересовалась Одолеевна.

– Вы знаете, меня волнует один вопрос...

– Так-так, очень интересно, – одобрила Мандолина.

– Я уже несколько дней не вижу Нитроэфирского. Не можете ли вы сказать мне, где он?

– Ах, это... Всё очень просто. Он сослан.

– Как? – поразился Николай.

– Я не так выразилась. Он послан в Заполярье и занят монтажом оборудования, а потом займётся и запуском производства. Так что до появления первой упаковки «Бруснички» и «Развесистой клюковки» мы его не увидим. Может быть, вы хотите ему помочь?

– Разве это возможно? – печально сказал Николай.

– Я запомню ваше пожелание, и когда будет нужно, вы смените Нитроэфирского. Кстати, не приходилось бывать за Полярным Кругом?

– Приходилось, – опрометчиво вымолвил Николай, ведь он мог перемещаться в любое место Земли и Космоса по своему желанию. – Извините, я пойду.

– А где, где вы были и когда? – железным тоном спросила Мандолина.

– Да так, по случаю, у родственников, – ответил Николай, ругая себя за длинный язык.

Мандолина посмотрела прямо в глаза Николаю и улыбнулась. Он содрогнулся от этой хищной улыбки, и пробормотав ещё раз: «Извините», – вылетел за дверь.

8.

И вспомнилось ему, как два года назад, когда Мандолина с помощью своего покровителя пришла к власти, заставила она Николая писать некролог на смерть погибшего сотрудника Юрия Белого, а потом самолично отредактировала текст, выбросив слово «талантливый». Долго тогда в недоумении раздумывал об этом Николай и никак не мог понять, как можно пожалеть доброго слова для умершего человека, тем более, что был человек, действительно, талантлив.

Просто Николай не знал ещё, с кем имеет дело. Теперь же... Надо срочно проверить, где находится Нитроэфирский.

Взобравшись на крышу девятиэтажки, Николай – Чудотворец прислушался к живым сигналам эфира, отыскал знакомую ноту Нитроэфирского, и, оторвавшись от плоскости, полетел в найденном направлении.

Сияло солнце, но очень быстро, словно в ускоренной съёмке, оно скатилось к горизонту и скрылось за его чертой – Николай летел на северо-восток в направлении Петропавловска – Камчатского, то есть навстречу ночи.

Незаметно вышла Луна, засверкали звёзды. Слева от Николая, вдалеке – где-то за горизонтом, переливаясь как разноцветное полотно, зажглось северное сияние. Сигнал всё ярче, ярче – вот он, посёлок – маленький, несколько домов...

– Где же завод? – поискал глазами Николай, но ничего похожего не нашёл. Спустившись на землю, постоял в раздумьи, снова поймал знакомую волну и пошёл, словно по пеленгу. Уткнувшись в дверь какого-то полуразрушенного сарая, Николай открыл дверь и вошёл внутрь. Было уже восемь часов вечера по местному времени.

– Да, это здесь, – понял он, увидев знакомые химические реакторы, выдаваемые Мандолиной за последнее слово пищевой промышленности.

– Эдик, где ты, – крикнул он.

– О, ты откуда? – выглянул Эдик из-за громоздкого реактора. Был он в каких-то огромных валенках, явно не своего размера, в чёрной телогрейке и в своей маленькой шапке-ушанке.

– Здорово! Ну, как ты тут? Монтаж продвигается?

– Пока не очень. Прилетели два сварщика и монтажники и все свалились с температурой под сорок – так идёт акклиматизация. Я тоже неделю провалялся, еле жив. И вообще, всё, что мы делаем, действительно, авантюра. Вельзевул деньги взял, огромные, между прочим, забросил сюда эти горшки служебным самолётом и пару-тройку мужчин – как хотите, так и монтируйте. А я – за технолога. Вот и весь мини-завод.

– Да-а, – только и сказал Николай, оглядывая сарай. А как заказчики, как они на это смотрят?

– Ну, посмотрели они на наши горшки, поудивлялись. Они-то представляли себе, что это будет цех, похожий на финские пищевые цеха. Это со слов Вельзевула. Поудивлялись, посмеялись и потеряли интерес к этому делу.

– А деньги? Они же потеряли деньги?

– Вот это они не смогут доказать. Я всё равно должен смонтировать всё это и получить первые партии «Бруснички» и «Развесистой клюковки», иначе не смогу вернуться домой – уволят.

– Да-а, – снова протянул Николай, – вот тебе и мини-завод! Хороши же наши боссы!

– Ну, ладно Вельзевул, он авантюрист. Но Мандолина, она ведь женщина...

– Она не женщина, – сказал Николай.

– Как это? – удивился Эдик.

– Дьяволица, я сам видел – у неё рога и хвост.

– Иногда и мне казалось, что я вижу это. Значит, так и есть. Что же нам делать? Как жить? – опустил глаза Эдик.

– Не паникуй! Монтируй тут, что сможешь, приезжай домой, а там видно будет.

– Слушай, а как ты здесь оказался? Тебя тоже Мандолина послала?

– Я проездом, – бросил Николай первую попавшуюся фразу.

– Ничего себе! – удивился Эдик, – куда же ты ехал? Или летел?

– Да к тётке на Камчатку, – правдивым тоном сообщил Николай.

9.

– Господи, спаси и сохрани! Все мы, почти безработные научные сотрудники – просто орудие в руках мошенников. Под этот научный коллектив и его якобы возможности Вельзевул берёт с несведущих людей деньги и весьма немалые. Затратив жалкие крохи на переброску списанных горшков и трёх-четырёх человек – рабочих, кое-как сляпав кустарное сооружение, наши боссы считают задачу выполненной. Рассовав крупные суммы по карманам, они вновь ищут простаков, а точнее, новых жертв для обмана.

Так думал печальный Николай после своего полёта за Полярный круг. Конечно, ничего нового он не открыл, просто увиденная своими глазами картина так ярко показала истину с её уродливым лицом, что Николаю стало плохо.

Теперь он просто не мог смотреть на бодрую походку и хищную улыбку Мандолины, а её нудный голосок свистел в ушах как ультразвук. И хотя при встречах Николай здоровался с Дьяволицей, как будто ничего не произошло, но она своим дьявольским чутьём прочла все его мысли. Кроме того, Николай знал, что когда он рассуждал сам с собой вслух, обговаривая и обдумывая всё происходящее, его подслушали и донесли Мандолине. Сделал это, конечно, её правая рука, услужливый, словно бес, Лакейкин.

Со дня на день Николай ждал решительных мер с её стороны, и дождался. Увидев на доске объявлений новый приказ, он понял, что это касается и его. Да, вместе с несколькими другими сотрудниками Николай был отправлен в вынужденный отпуск.

– Моя работа здесь закончена, – сказал себе Николай. Было невесело, потому что он жалел людей, которых использовали, грабили и унижали несколько примитивных, но хищных и хитрых мошенников.

10.

Нитроэфирский, вернувшись из Заполярья, заболел. По странному стечению обстоятельств его дочь в это же время попала под колёса автомобиля и сильно пострадала.

Мандолина издала ещё один приказ, где наряду с другими сотрудниками, появилась и фамилия Нитроэфирского. Его тоже отправила в вынужденный отпуск недрогнувшая рука начальницы, хотя заполярное задание он выполнил.

Нитроэфирский зашёл к Николаю попрощаться. Николай понял, что прощание это надолго, и не ошибся. Нитроэфирский так и не выздоровел. Он как бы зачах, засох, завял. Хоронили его летом. Стояла изнурительная жара. Мандолина по-хозяйски ходила вокруг могилы, собственной рукой бросила горсть земли.

Николай уже совсем не мог смотреть на её двоящееся лицо и основательную фигуру. Он знал, что смерть Нитроэфирского – это результат чужих действий, хладнокровных и целенаправленных. Николай знал, что теперь Господь отверз его уста и вложил в ладонь меч.

ГОД СВИНЬИ

Огромная жирная щетинистая, с наглым пятакон и жадной пастью опустилась она с Небес на грешную Землю. И пошло – поехало! Пожирание младенцев – вот как это называется...

Реки крови, трупы, безработица, нищающие на глазах люди, настоящие нищие. А сколько тех, кто работает без зарплаты или только за кусок хлеба – их труд и жизнь пожирает чавкающее животное и её Детки.

Они с визгом толпятся у кормушки и с восторгом отрывают всё новые и новые куски. Им кажется, что пища никогда не кончится.

Но они ошибаются. Уже сейчас всё пошло на убыль. Богатый урожай собирает только смерть. Но Свинья и её Детки не способны задавать вопросы, они могут лишь хватать и жевать, а люди слепы. Каждый из них прозревает только тогда, когда лично для него уже нет смысла.

Но эта суэта на бойне продолжается, значит, смысл для кого-то всё-таки есть.

Сегодня ночью ко мне явился Посланник.

– Пришло твоё время, – сказал он. – Я должен показать тебе всё. Решение примешь сама, если успеешь.

Его длинный плащ переливался всеми цветами радуги, в сверкающих невероятных тонах возникало и рушилось что-то глобальное, объёмное – целые жизни, эпохи, Добро и Зло. Любовь и Ненависть. Он взял меня за руку, и мы помчались по туннелю

– Не бойся, – шептал он на ухо. – Это путь в четырёхмерный мир. Оттуда ты увидишь всё.

Я всегда знала, что умею летать. Скорость полёта возрастает, мелькание светлых и тёмных полос становится почти незаметным – они сливаются в серо-серебристую коническую поверхность. Яркая вспышка, и мы уже достигли цели.

– Смотри вниз, – говорит Посланник, – сначала будут ближние планы, а затем картина в целом.

Внизу на трёхмерной плоскости – так видится земной мир отсюда – я замечаю неких, тоже плоских существ. Они похожи на колонии бактерий. Объектив, в который я смотрю, даёт тот самый ближний план, проникая вглубь одной из колоний.

Мне хорошо видно, что колония разбита на множество более мелких образований. Все эти образования кипят, бурлят – там идёт работа. Одни что-то разливают по склянкам, другие собирают какие-то приборы, третьи что-то шьют. Кто-то бегают с бумагами, многие просто сидят. Знакомая картина. Она поражает потому, что я знаю – такие колонии работают почти бесплатно. Все деньги проваливаются в чьи-то необъятные карманы. И, тем не менее, это кипение, эта беготня, суэта – одним словом, труд, результаты которого достанутся немногим, продолжает существовать.

Объектив отодвигается, горизонт расширяется. Я вижу в трёхмерной плоскости другие, похожие на эту, колонии.

В Европе происходит то же. Картина отличается лишь большей аккуратностью, более упорядоченным движением внутри колоний. Вероятно, из-за того, что часть прибыли здесь всё-таки достаётся работающим.

Объектив отодвигается ещё дальше, и я вижу, что все колонии образуют какую-то упорядоченную структуру, где общая направленность движения становится очевидной.

На что же всё это похоже? Что-то знакомое. И вдруг до меня доходит – я вижу трёхмерный конвейер. Куда же он движется? Что там в конце? Или кто? Мне становится страшно.

– Я не хочу смотреть, – говорю я Посланнику, – не хочу знать, чем кончается конвейер.

– Все не хотят, – отвечает он, – потому и не видят. Но кто-то должен знать.

– Не хочу! Пусть будут иллюзии, как прежде.

Я закрываю глаза. Картины прежней трёхмерной жизни сами собой всплывают в памяти.

Вот мы с сыном в деревне. Ему три года. Всё это время он тяжело болел, поэтому его пространство обитания – дом, где живут бабушка с бабушкой, и двор. Люди, с которыми он общался – это опять дед с бабушкой, пожилые соседи и я. Сегодня мы с сыном совершили впервые в его жизни смелую вылазку – пошли гулять вдоль берега реки.

Река бушует, гудит – идёт весенняя вода. На тополях появились первые пахучие листочки, цветёт верба, трава ослепительно зелена. Я смотрю ввысь, в глубокое ясное небо, и вдруг слышу восторженный возглас сына.

– Мама! – громко кричит он. – Смотри, девочка!

На тропинке стоит девочка в розовом платице, с косичками, пышными бантами. Это первая в жизни сына живая девочка – до этого он видел их только на картинках в книгах.

Сын трогает розовые банты, кружево на платице, берёт девочку за руку и, повернув ко мне счастливое лицо, снова восторгается: «Девочка!»

Этот восторг так и остался у него на всю жизнь. Когда сыну было шесть лет, уже в городе, проходящая мимо женщина улыбнулась и спросила, как его зовут. Он ответил ей и за разговором бежал рядом целый квартал. А я тем временем, выглянув во двор, в панике бросилась искать потерявшегося сына.

Он был готов бежать за каждой женщиной или девочкой, если она улыбнулась ему.

Я с братом иду в горы. Мы любили там бывать. Горы поросли сосняком, там и сям увенчаны скалами, загадочны, манящи и всего-то в трёх километрах от села.

Мы идём вдоль гречишного поля – зелёно-белое царство – пахнет так, что хочется лечь и навсегда утонуть в этом аромате. Гречишные соцветия огромные, тяжёлые, качаются от ветра. Я ложусь в гущу цветов и смотрю в небо. Рядом с моим лицом, вокруг меня возвышаются, как деревья, эти зелёно-белые создания с красноватым стеблем – настоящие джунгли.

По одному из растений вверх, не спеша, движется кузнечик – он как бы прогуливается по гречишному стволу, аккуратно переставляя свои голенастые ноги с мохнатыми держалками на концах. Кругом жужжание, стрекотание, звон, музыка лета.

Привстав, я надеваю широкополую соломенную шляпу и брат фотографирует меня в царстве июльской сказки.

Зима. С ясного неба при ярком солнце, непонятно откуда возникая, падает и падает сверкающая лёгкая чешуя – изморозь. Воздух весь сияет от её порхающих алмазных блёсток. Это одна из загадок зимы – красота, созданная чьим-то волшебством.

Порхание лёгкого серебра в лучах солнца похоже на безмолвную гипнотическую музыку, которую слышит не ухо, а какое-то шестое чувство, может быть, её слышит не сам человек, а его бессмертная Душа.

Эти яркие живые картины – иллюзии возникают, разворачиваясь как цветок из некоей точки в пространстве и медленно гаснут. Неужели это всего лишь иллюзии, а на самом деле всё – и я, и сын, и брат, и остальные люди, то, что нас окружает – цветы, горы, небо – всё это части трёхмерного конвейера, который так плавно, медленно и страшно движется к чему-то неведомому и неизбежному, делая любые наши усилия бессмысленными.

Объектив отодвигается, расширяется обзор, и я вижу в конце трёхмерного конвейера её – огромную, жирную, щетинистую, с наглым пятком и жадной пастью. Имя ей – Цивилизация Потребления.

Одновременно я вижу себя – мой дом уже висит на самом краю скользящего конвейера, где ждёт очередной кусок пищи чавкающее животное. Я сижу за письменным столом и что-то пишу. Мысль лихорадочно ищет выхода. Что можно сделать в оставшиеся секунды?

– Лети! – кричу я.

И моя земная часть отрывается от стола и летит вертикально, словно стрела, посланная умелым лучником. Летит прямо ко мне.

Я уже никогда не стану добычей.

ХРУСТАЛЬНЫЙ КЛУБОК

Встало солнце в тумане таком густом, что в нём трудно передвигаться. Солнце поплыло низко над землёй, пробираясь по хрустальному лесу, блуждая между белых сверкающих сосен, ёлок, берёз.

Хрусталь звенит, переливается, падает, разбивается, снова звенит. Никогда нельзя понять, где начинается утро, и где кончается лес. Всё сливается в единое целое, сматывается в один хрустально-огненный клубок, хрупкий и текучий, ледяной и горячий, маленький и бесконечно огромный, существующий одно мгновение и целую вечность одновременно. И я – внутри этого хрустального клубка. И все люди тоже. Мы летим с огромной скоростью, кружась вокруг оси, пронизывающей космос, не зная, откуда происходит кружение и полёт, куда направлено движение, когда оно началось и когда кончится, не зная – кто мы, как устроены, для чего и кем созданы.

Мы – никто, ничто, ни за чем, нигде, ниоткуда. Но мы и не хотим ничего знать, иначе, как же объяснить нашу суету.

Иметь как можно больше, хватать, что подвернётся, отбирать у ближнего, пока получается – всё это ежеминутно происходит между отдельными людьми, группами людей и целыми народами.

Мы не хотим ничего знать, потому что, если задуматься, то Создатель рисует перед нашим взором картину – бактерии, кишачие в хрустальной капле воды, хрустальный клубок под объективом космического микроскопа. Кто-то могущественный смотрит сквозь линзы на голубой хрусталь со снующими в нём живыми существами.

Он видит нас, вернее, увеличенную копию нашего мира. А что если и нам попытаться заглянуть в объектив со своей стороны. По законам оптики мы должны увидеть уменьшенную копию Бога, создавшего и наблюдающего нас.

Чтобы это случилось, надо, как минимум, остановиться и оторвать взгляд от земли. Кажется бы, чего проще. Но странно, что делают такое немногие.

Остановиться... Как остановится бактерия, которая должна питаться и размножаться? Только отказ от пищи и всех действий, необходимых для размножения, а значит – уход из общества, потому что такая жизнь не совпадает с его законами.

Хотя людям даётся период в их существовании, когда минимальное питание, отказ от секса, размышления о смысле жизни и всего сущего вполне естественны и воспринимаются бы окружающими без протеста. Этот период – старость.

Но люди с детства получают другие понятия. Им внушают, что нужно быть молодыми всю жизнь. А молодостью они считают именно сексуальную жизнь. Это величайшая ошибка.

Благодаря такому образу мыслей люди обрекают себя на биологическое существование, не оставляя ни дня для духовной жизни. Кстати, духовной жизнью они считают чтение книг, посещение театра, приобретение картин, походы в церковь, образование – в общем, светские удовольствия.

Они не понимают, что духовная жизнь – это совсем другое. Это поиски Бога – путь к Нему, проходящий, может быть, через Пустыню.

Поэтому они не знают, не видят, не слышат, не ощущают Бога. Им некогда – они вожделеют до самой смерти. Но что может быть уродливее старческой плотской любви – бесплодной, ненужной, давно потерявшей своё предназначение.

Бог смотрит на это и лишает людей Своей Благодати – понимания Смысла Бытия. Поэтому человечество так долго летает по кругу в хрустальном клубке.

Поэтому мы – никто, ничто, ни зачем, ниоткуда. Поэтому Бог лишает нас желания знать и видеть.

Лишь тот, кто вовремя прислушается к голосу собственной Души, получит зрение, понимание, найдёт Продолжение Пути, а не вернётся по кругу на прежнее место.

Чтобы вырваться из замкнутости, люди должны понять, что любое явление имеет СВОЁ ВРЕМЯ, МЕСТО, ЦЕЛЬ, НАЧАЛО И КОНЕЦ. Молодость не может и не должна быть вечной, биологическая любовь существует лишь для воспроизводства рода, затем она теряет смысл, и человек не должен пестовать свои гениталии семьдесят или девяносто лет. Время старости ему отпущено не за этим, а иначе старости и не было бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.